

THE
Man
BOOKER
PRIZE
2002

William Trevor
The Story of Lucy

• BOOKER PRIZE •

Уильям Тревор - История Люси Голт

РОСМЭН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОСМЭН»

Уильям Тревор
История Люси Голт

2002

Тревор У.

История Люси Голт / У. Тревор — 2002

Супружеская чета Голтов вынуждена покинуть свой дом в Ирландии и отправиться в долгое изгнание. Но на родной земле остается их девятилетняя дочь, которую по трагическому стечению обстоятельств родители считают утонувшей. Перед ней – долгая жизнь... Удивительная история, которая обманывает все читательские ожидания и притворяется при этом «простой хорошей прозой». Уильям Тревор, один из самых известных Современных английских писателей, подарил нам неторопливую, лишенную внешних эффектов притчу, в которую укладывается весь двадцатый век.

Содержание

Один	5
1	5
2	23
3	29
4	34
5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Уильям Тревор

История Люси Голт

Посвящается Джейн

Один

1

Капитан Эверард Голт ранил этого парнишку в правое плечо ночью двадцать первого июня тысяча девятьсот двадцать первого года. Они вторглись в его владения, и он выстрелил из окошка в верхнем этаже один-единственный раз, целясь поверх голов, а потом стоял и смотрел, как они бегут прочь, три темные фигуры, и две волокут на себе третью.

Они приходили, чтобы поджечь дом, и визит их не был неожиданностью, потому что подобное случалось и раньше. В тот раз они пришли позже, глубокой ночью, в самом начале второго. Тогда их спугнули овчарки, но через неделю овчарок нашли во дворе отравленными, и капитан Голт понял, что скоро к нему придут снова. «Мы уже и так с ног сбились, – сказал приехавший из Инниселы сержант Толти. – Верите, капитан, просто разрываемся на части». Лахардан не был единственным домом, которому угрожала опасность; недели не проходило, чтобы кого-нибудь не убили, вне зависимости от того, как полицейские в очередной раз пытались перераспределить силы. «Дай бог, чтобы поскорей все это кончилось», – сказал сержант Толти и уехал. Беспорядки в стране усиливались, все больше напоминая гражданскую войну, и военного положения никто не отменял¹. По факту убийства собак дела возбуждать не стали.

Когда наутро после ночной стрельбы рассвело, на усыпанном морскими камушками автомобильном развороте со стороны фасада обнаружилась кровь. За деревом нашли две канистры с бензином. Гальку разровняли граблями, запачканные камушки, пару ведер в общей сложности, унесли и выбросили подальше.

Капитан Голт решил, что теперь все пойдет как надо: свой урок они получили. Он написал в Инниселу, отцу Морриссею, и попросил при случае – если до священника вдруг дойдут слухи о раненом, – передать соболезнования и пожелать скорейшего выздоровления. Он никоим образом не хотел, чтобы пролилась кровь; он всего лишь хотел дать понять, что с ним подобный номер не пройдет. Отец Морриссей ответил на его письмо. *Домашние всегда считали его человеком отпетым*, подытожил он свои рассуждения об имевшем место несчастном случае, но во всем его письме сквозила какая-то странная неестественность: в подборе слов, в строении фразы, как если бы он так и не понял, что ни убивать, ни ранить этого мальчика никто не собирался. Он написал, что передал весточку той семье, о которой шла речь, но ответа не получил.

Капитану Голту тоже приходилось получать ранения. Вот уже шесть лет, с тех самых пор как его комиссовали по инвалидности с передовой, в теле у него сидели кусочки шрапнели, которые теперь уже никто вынимать не станет. Из-за этого ранения ему пришлось поставить крест на военной карьере; отныне он навсегда останется капитаном, что, конечно, досадно до

¹ С 1919 по 1921 год в Ирландии шла фактически партизанская война между, с одной стороны, подпольной Ирландской республиканской армией и, с другой, британскими полицейскими частями и бригадами т.н. «черно-пегих» – нерегулярными карательными отрядами, которые по большей части формировались из бывших фронтовиков. Отсюда особая нелюбовь к последним – за что во многом и поплатился капитан Голт, к тому же будучи еще и землевладельцем, англоирландцем, женатым на англичанке. (*Здесь и далее прим. перев.*)

крайности, ибо он рассчитывал дослужиться до куда более высокого звания. Впрочем, во всем остальном ему жаловаться на жизнь не приходилось. Утешение, и немалое, всегда можно было найти и в счастливом браке, и в ребенке, которого родила ему жена, Хелоиз, и в собственном доме. Он бы нигде не смог быть так счастлив, кроме как в этом подведенном под сланцевую крышу трехэтажном доме, где белые оконные рамы и тонкие филеичатые переплеты веранды у входной двери смягчали суровую серость камня. Справа от дома, сквозь широкие и высокие сводчатые ворота, можно было попасть в мощный галечником двор, откуда такие же мощные дорожки вели в яблоневый сад и в огород. Передние комнаты выходили на широкий круг, половину которого составляла усыпанная морской галькой подъездная площадка; на другой разбили газон и посадили вдоль крутого лесистого склона полосу голубых гортензий. Из верхних комнат в задней части дома открывался вид на море, не ограниченный ничем, кроме морских горизонтов.

Корни ирландских Голтов уходили в туманную даль веков. Перебравшись сюда из Норфолка – по крайней мере, так было принято считать в семье, хотя и без особой уверенности, – они сперва осели на дальних западных окраинах графства Корк. Скромную эту династию основал бывший наемник, которому в силу каких-то невнятных причин нужно было найти местечко потише и никуда из него не высовываться. Где-то в самом начале восемнадцатого века семейство, давно уже успевшее перейти в разряд уважаемых и довольно-таки состоятельных, перебралось немного восточнее, и в каждом поколении кто-нибудь из сыновей непременно продолжал фамильные связи с армией. Потом они купили землю в Лахардане; начали строить дом. Протянули к нему длинную и прямую подъездную аллею, обсадив ее по обе стороны каштанами, и привели в порядок росший вдоль ручья лес. Следующие поколения завезли из графства Армаг яблоневые саженцы и насадили сад; огород тоже понемногу увеличивался в размерах, но не слишком. В 1769 году в Лахардане останавливался лорд Таунсенд, тогдашний вице-король Ирландии; а в 1809-м, когда в «Стюарте Дромана» не оказалось ни одной свободной спальни, – Дэниел О'Коннелл². Таким образом, история время от времени касалась этих мест; но то, о чем здесь действительно крепко помнили, о чем говорили из раза в раз, так это о рождениях, смертях и свадьбах, о домашних происшествиях, о перестановках и перестройках в той или иной части дома, о вспышках ярости и о примирениях. В 1847 году одного из Голтов разбил удар, и он три года пролежал без движения, хотя и не без чувств. В 1872-м шесть месяцев продолжалась пагубная карточная игра, в течение которой поле за полем переходило к соседям, О'Рейли. Жуткая и скоротечная эпидемия дифтерии скосила семью в 1901-м, оставив из пятерых человек живыми только ныне здравствующих Эверарда Голта и его брата. В гостиной над письменным столом висел портрет какого-то предка, имени которого, сколько помнили себя нынешние Голты, никто не знал: суровое, строгое выражение лица, насколько под густыми бакенбардами можно было рассмотреть лицо, невыразительные голубые глаза. Других портретов в доме не было, хотя с тех пор, как изобрели фотографию, появились альбомы с карточками родственников и друзей и самих Голтов из Лахардана.

Все это – дом и остатки пастбищ, морской берег под бледными глинистыми утесами, тропинка вдоль берега к рыбацкой деревушке под названием Килоран, подъездная аллея, над которой давно уже сомкнулись ветви разросшихся старых каштанов, – было частью Эверарда Голта в неменьшей степени, чем черты его лица, в которых можно было увидеть некоторое сходство с лицом на портрете, и прямые темные волосы. Высокий и стройный человек, которому нечего было скрывать от других людей и у которого с некоторых пор совсем не осталось амбиций, он уже давно решил принять ту судьбу, которая ему выпала: прилежно вести достав-

² Дэниел О'Коннелл (1775–1847) – ирландский юрист, борец, исключительно мирными методами, за права католиков. Создал в 1823 году т.н. Католическую ассоциацию, добился в 1829 году права для католиков избираться в британский парламент и на следующий год сам стал членом парламента от графства Клэр. Был очень популярен в Ирландии, хотя и вызывал много нареканий со стороны националистических «ястребов».

шееся ему по наследству хозяйство, приманивать в ульи пчел, корчевать выродившиеся яблони и сажать вместо них новые. Он сам чистил в доме дымоходы, мог подновить раствором рас- трескавшиеся стыки между камнем и вставить новое оконное стекло. Забравшись на крышу дома, он заделывал появляющиеся время от времени в листовом свинце маленькие дырочки; нужно было замазать каждую секкотином, и на какое-то время этого хватало.

Во всем этом ему часто помогал Хенри, медлительный, крепко сбитый человек, который почти никогда не снимал шляпы, по крайней мере в светлое время суток. Много лет назад Хенри женился и перебрался в сторожку возле ворот, в которой теперь жили только они вдвоем с Бриджит, поскольку детей у них не было, а родители у Бриджит умерли. Раньше у ее отца в распоряжении было еще два человека, и все они ухаживали за лошадьми, и вообще делали все то, с чем Хенри теперь управлялся в одиночку в полях и на подворье. Ее мать была прислугой в доме, а до нее – бабушка. Бриджит была такая же крепко сбитая, как ее муж, с широкими, сильными плечами и уверенной манерой двигаться; на кухне она была единственная хозяйка. Горничная, Китти Тереза, помогала Хелоиз Голт справляться с домашними делами, для кото- рых тоже когда-то требовалась никак не одна пара рук: раз в неделю из Килорана приходила старая Ханна – стирать одежду, постельное белье и скатерти и отскребать плитку в прихожей и каменный пол в задней части дома. Жить как раньше, на широкую ногу, в Лахардане уже не получалось. Длинная подъездная аллея шла по земле, которая за карточным столом перешла в собственность к О'Рейли. С тех пор у Голтов только и осталось пастбищ, чтобы прокормить маленькое стадо фризских коров.

Через три дня после ночной стрельбы Хелоиз Голт прочитала письмо, которое пришло от отца Морриссея, потом перевернула его и прочла еще раз. Она была стройная, неширокая в кости женщина, ей было чуть за тридцать, длинные светлые волосы уложены так, чтобы под- черкивать черты лица, чтобы придать ее серьезному красивому лицу ту нотку строгости, кото- рая то и дело вступала в явное противоречие с улыбкой. Вот только улыбка эта стала теперь редкой гостьей – с той самой ночи, когда ее разбудил выстрел.

Вообще-то Хелоиз Голт была не из робкого десятка, но на этот раз она поняла, что ей страшно. Она тоже была из офицерской семьи, и то обстоятельство, что за несколько лет до замужества она осталась совершенно одна, после того, как умерла ее мать, овдовевшая еще во время войны с бурами, ничуть не выбило ее из седла. В беде ли, в скорби самообладание было ее естественным состоянием, но тут вдруг выяснилось, что автоматически, само по себе, оно не возникает: стоило ей только представить себе, что эти люди хотели поджечь дом, в котором спала она сама, ее ребенок и ее служанка. А еще были отравленные псы, и оставшееся без ответа письмо в семью того парня, и кровь на камнях.

– Мне страшно, Эверард, – наконец призналась она, когда держать это чувство в себе стало совсем невозможно.

Они прекрасно знали друг друга, капитан и его жена. У них был один на двоих стиль жизни, общая иерархия забот и ценностей. Оба в ранней юности близко познакомились со смертью, и это сразу их сблизило, а после свадьбы заставило острее ценить семейное чувство, возникшее после рождения ребенка. Когда-то Хелоиз казалось само собой разумеющимся, что у нее будут другие дети, и она до сих пор не отказалась от мысли, что по крайней мере еще одного они могут себе позволить. Но со временем муж настолько мягко и ненавязчиво убедил ее в том, что никоим образом не вменяет ей в вину отсутствие сына, который со временем мог бы унаследовать Лахардан, что она прониклась – и по мере того, как рос ее ребенок, проника- лась все сильнее и сильнее – чувством благодарности за это единственное произведенное ею на свет человеческое существо и за то чувство, которое связывало их всех троих между собой.

– Страшно? Не очень-то это на тебя похоже, Хелоиз.

– Это все из-за меня. Из-за того, что я, англичанка, хозяйничаю в Лахардане.

Хелоиз настаивала на том, что причиной излишнего внимания к их дому была именно она, но убедить в этом мужа ей так и не удалось. Он напомнил ей, что Лахардан в этом смысле ничуть не являет собой исключения и что подобное происходит сейчас по всей Ирландии. Это не просто дом, а поместье, и пусть земельная собственность Голтов давно пришла в упадок, одного наличия оной вполне достаточно, чтобы спровоцировать ночных поджигателей. А еще ему пришлось признать, что оказанного отпора, пожалуй, не достанет, чтобы заглушить в злоумышленниках тягу к разрушению, какими бы причинами эта тяга вызвана не была. С тех пор какое-то время Эверард Голт спал после обеда, а по ночам нес стражу; и хотя его ни разу так никто и не потревожил, сама его озабоченность безопасностью дома в сочетании с мрачными предчувствиями жены все более усугубляла царившее в доме беспокойное умонастроение, нервозность, которая сказывалась на всех его обитателях, не исключая в конечном счете и единственного в доме ребенка.

* * *

Восьмилетняя, то есть почти уже девятилетняя Люси подружилась в то лето с О'Рейлевым псом. Эта большая игривая зверюга – наполовину сеттер, наполовину ретривер – прибилась к О'Рейли примерно с месяц тому назад; хозяева уехали, а пса бросили, высказал предположение Хенри, и после непродолжительного выяснения отношений О'Рейлевы дворовые собаки приняли чужака за своего. Хенри сказал, что тварь он совершенно бессмысленная, папа – что он зануда и надоест кому хочешь, особенно когда скатывается с обрыва под ноги первому показавшемуся на пляже человеку с единственной целью: навязаться в компанию. Клички псу О'Рейли не дали, да и вообще навряд ли заметили бы – так сказал Хенри, – если бы он сбежал от них и прибиллся к кому-нибудь еще. Когда Люси и папа плавали рано-рано по утрам, папа всегда гнал пса прочь, если замечал, что тот скачет по пляжу. Люси считала, что это немного слишком, но вслух этого не говорила; как не признавалась в том, что когда она купается в одиночку – чего ей никто не разрешал, – безымянный пес возбужденно носится по галечнику вдоль самой кромки, но в воду не заходит, а иногда хватается одну из ее сандалий и носится с сандалией во рту. Хенри сказал, что пес старый, но вдвоем с Люси на пляже он превращался едва ли не в щенка, а потом ложился без сил и вываливал длинный розовый язык. Однажды она так и не смогла найти сандалию, с которой играл пес, хотя потратила на поиски все утро. Ей осталось только выкопать со дна ящика с обувью старую пару и надеяться, что никто не заметит подмены – никто и не заметил.

Когда в Лахардане отравили собак, Люси предложила этого пса одной из них на замену, потому что у О'Рейли он никогда так по-настоящему и не прижился; но это предложение было принято безо всякого энтузиазма. Не прошло и недели, как Хенри взялся натаскивать двух щенков-овчарок, которых уступил ему по сходной цене один фермер из окрестностей Килорана. Люси была очень привязана к обоим родителям – к отцу потому, что с ним всегда легко, к маме потому, что она такая красивая и добрая. Но в то лето она очень на них обижалась, потому что они не разделяли ее привязанности к псине О'Рейли, и Хенри тоже, а потому она обижалась и на него; по прошествии времени ей казалось, что только эта обида и должна была остаться в памяти от тогдашнего лета, да и осталась бы, если бы не история с ночной стрельбой.

Люси никто ничего не рассказывал. Отцовский выстрел ее не разбудил и превратился во сне в звук ветки, обломившейся под напором ветра; а еще Хенри сказал, что овчарки, должно быть, забрели на отравленную землю. Но неделя шла за неделей, вкус лета менялся, и подслушивание стало основным источником информации.

– Постепенно все утихнет, – сказал папа. – Уже и сейчас идут разговоры о перемирии.

– Будет перемирие или нет, от этого легче не станет. И все это понимают. И чувствуют. Нас никто не сможет защитить, Эверард.

Люси стояла в холле и слышала, как мама говорит, что им, наверное, следует уехать, что, скорее всего, у них просто нет выбора. Она не поняла, о чем идет речь, не поняла, что должно утихнуть. Она подошла поближе к слегка приоткрытой двери просто потому, что голоса звучали тише, чем были на самом деле.

– Мы не должны забывать еще и о ребенке, Эверард.

– Да, конечно.

А на кухне Бриджит сказала:

– Мореллы уехали из Клэшмора.

– Слышал, – тягучий голос Хенри настиг Люси уже на собачьей дорожке, то есть в коридорчике, который вел от кухни к задней двери. – Уже слышал.

– А им ведь уже за семьдесят.

Хенри какое-то время помолчал, а потом заметил, что в такие времена люди всегда рассчитывают на самое худшее, и, если началась заваруха, многие считают, что лучше перестраховаться. Гувернетты уехали из Эглиша, сказал он, Прайоры из Рингвилла, а еще Свифты и Бойсы. Куда ни пойдешь, только и разговоров о том, кто еще уехал.

И тогда до Люси дошло. Она поняла, что такое «заброшенный дом», из которого прибулдился пес. Она представила себе оставленную мебель и вещи, потому что и об этом тоже шла речь. А когда до нее дошло, она убежала из коридорчика, и ей было все равно, что взрослые услышат, как она бежит и как громко стукнула дверь во двор, а услышав это, они поймут, что она их подслушивала. Она побежала в лес, к ручью, где всего несколько дней назад помогала папе выстраивать в рядок камни, чтобы переходить по ним на другой берег. Они собираются бросить Лахардан – и ручей, и лес, и берег моря, плоские скалы, где после отлива остаются лужи с креветками, комнату, которую она видит каждое утро, когда просыпается, куриное квотанье во дворе, индюшачье кулдыканье, и ее следы, первые следы на нетронутом пляже, когда она утром идет в школу в Килоран, и водоросли, которые можно поднять и посмотреть по ним, какая будет погода. Ей придется придумывать коробки, чтобы уложить в них раковины, которые лежат у нее в спальне на столике у окна, и еще для шишек, и для палки, похожей на кинжал, и для кремешков. Ничего выбрасывать нельзя.

Она попыталась представить себе, куда они могут уехать, и непредставимость этого несуществующего места придавила ее окончательно. Она села и поплакала в густых зарослях папоротников, в нескольких футах от воды. «Вот тут нам всем и крышка», – сказал Хенри, когда она подслушивала, и Бриджит с ним согласилась. А еще в другой раз папа сказал, что в Ирландии самый страшный враг – это прошлое.

Весь остаток дня Люси провела в потаенных местечках в лесу у ручья. Она попила воды из родника, который папа нашел, когда сам был маленьким. Она полежала в траве в том месте, где сквозь ветви всегда пробивалось солнце. Она поискала развалюху Падди Линдона, которую ей все никак не удавалось найти. Падди Линдон появлялся иногда из леса как самый настоящий дикий человек – глаза налиты кровью и волосы не расчесывались отродясь. Именно Падди Линдон подарил ей палку, похожую на кинжал, и научил высекать из кремешков искры. Часть крыши у него в лачуге совсем провалилась, сказал он ей, но зато другая часть ничего, держится. «Вот мученье-то мне с этим дождем, – обычно говорил он. – Льет и льет, а дерн у меня на крыше старый, совсем не держит. Я с этой крышей в ящик сыграю раньше времени».

Дождь изводил его, дождь издевался над ним, как будто беса какого к нему приставили, так он говорил. А потом однажды папа сказал: «Падди, бедолага, помер», – и она тоже плакала.

Потом ей надоело искать лачугу, где когда-то жил Падди Линдон, – впрочем, надолго ее никогда не хватало. Почувствовав, что проголодалась, она пошла сквозь лес под гору, вышла к ручью, а вдоль него – к дороге, которая вела в Лахардан. Единственные звуки здесь были: звук ее собственных шагов и звук шишки, если ей приходило в голову отфутболить шишку ногой.

Дорога нравилась ей, пожалуй, даже больше, чем какое-либо другое место, хотя если идти по ней к дому, то все время получается в гору.

– Ты только посмотри, как ты поцарапалась, – Бриджит резким тоном принялась выговаривать ей на кухне. – Дитё ты, дитё, как будто без тебя нам забот мало.

– Я из Лахардана никуда не поеду.

– Да что ты такое говоришь.

– Не поеду, и все тут.

– Ты сейчас отправишься наверх, Люси, и отмоешь колени. Вся вымоешься, пока родители тебя не увидели. И вообще, ничего пока не решено.

Наверху Китти Тереза сказала, что наверняка в конечном счете все будет в порядке, – она всегда и во всем видела только светлую сторону. Именно так неизменно складывались дела в грошовых любовных романах, которые мама Люси покупала для Китти Терезы в Инниселе, а сама она потом зачастую пересказывала Люси: истории о несчастьях и о разбитой любви, которые всегда вели к счастливому концу. Золушки приезжали на бал, дуэль на шпагах обязательно выигрывал самый симпатичный из двух претендентов, а скромность вознаграждалась сказочным богатством. Однако на сей раз светлая сторона подвела Китти Терезу, ей только и осталось повторить еще раз: наверняка в конечном счете все будет в порядке.

* * *

– Другого дома у меня уже не будет нигде и никогда, – сказал Эверард Голт, и Хелоиз ответила, что и она теперь тоже навряд ли где-то еще сможет почувствовать себя по-настоящему дома. В Лахардане она была счастлива так, как ей еще никогда не доводилось в жизни; но за раненого будут мстить, а как же иначе.

– Даже если они будут ждать, пока не кончится смута, той ночи они все равно не забудут.

– Я напишу родителям этого мальчика. Отец Морриссей считает, что в этом есть смысл.

– Ты же знаешь, мы вполне сможем прожить на мои деньги.

– Давай я все-таки попробую написать его родителям.

Она не стала настаивать на своем. Ни теперь, ни позже, когда прошло несколько недель, а ответа на письмо все не было; ни еще того позже, когда муж сел в таратайку, съездил в Инниселу и отыскал там семью, которой нанес оскорбление действием. Они предложили ему чаю, и он принял приглашение, надеясь, что это добрый знак и что засим последует примирение; он был готов заплатить любую сумму, чтобы только уладить дело. Они выслушали его предложение, и все это время босоногие дети сновали туда-сюда, то в кухню, то из кухни, и время от времени кто-нибудь из них вертел колесо мехов, и от горящего торфа взлетали искры. Но никакого ответа он так и не получил, если не считать обычных вежливых фраз. Тот сын, которого он подстрелил, тоже сидел за столом, но не сказал ни слова, на капитана смотрел презрительно, и рука у него висела на перевязи. Под конец капитан Голт сказал – и почувствовал себя ужасно неловко, из-за того, что ему приходится такое говорить, – что когда-то в их доме останавливался Дэниел О'Коннелл. Само имя было – легенда, а человек был борцом за права угнетенных; но время, по крайней мере в этой убогой избушке, лишило прошлое волшебного ореола славы. Эти трое ребят всего-то навсего пошли ставить силки на кроликов и заблудились. Им не следовало нарушать границы чужой собственности – понятное дело, с этим никто не спорит. Капитан Голт не стал упоминать о канистрах с бензином. Он вернулся в Лахардан, чтобы провести еще одну бессонную ночь.

– Ты права, – сказал он жене несколько дней спустя. – Так уж всегда выходит, что в конечном счете ты оказываешься права, Хелоиз.

– На сей раз меня это совсем не радует.

Эверард Голт пропал без вести в 1915 году; и это ожидание без какой бы то ни было уверенности в результате было самым одиноким временем в жизни Хелоиз, а двухлетняя дочь – ее самым большим утешением. Потом пришла телеграмма, и она, закрыв глаза, испытала приступ совершенно эгоистического чувства облегчения: в телеграмме говорилось, что мужа комиссовали из армии по инвалидности. Тогда она дала себе клятву, что, сколько бы судьба ни отвела им прожить вместе, она никогда больше с ним не расстанется, и ее решимость была в своем роде знаком благодарности за ниспосланный судьбой несчастный – и счастливый – случай.

– Все время, пока я у них сидел, они думали о том, что я нарочно пытался убить их сына. Я почти физически это чувствовал. Они не поверили ни единому моему слову.

– Эверард, у нас с тобой есть мы и есть Люси. Мы можем начать все сначала где-нибудь в другом месте. В любом другом месте, которое нам понравится.

Жене всегда удавалось вдохнуть в Эверарда Голта силы, утешить его, как будто пролить бальзам на застарелую боль мелких невзгод и поражений. Они станут жить на деньги из ее наследства, здесь она права; они люди не бедные, хотя, конечно, им никогда уже не достичь столь прочного положения, какое было у Голтов до потери земель. Условия жизни будут не слишком отличаться от нынешних, даже и вдали от Лахардана. В Ирландии наконец наступило долгожданное затишье, но его почти никто не заметил: так мало в него поверили.

Разговоры в гостиной и на кухне продолжались, на одну и ту же тему, хотя и с двух разных точек зрения. Придя в ужас от всего услышанного, горничная принялась задавать вопросы, и ей ответили. Для Китти Терезы Лахардан тоже был родным домом вот уже двадцать лет с хвостиком.

– Ой, мэ-эм! – пролепетала она, перебирая пальцами краешек фартука, и вся залилась краской. – Ой, мэ-эм!

Но если для Китти Терезы и впрямь наступил конец света, для Хенри и Бриджит все складывалось отнюдь не так трагично, или, по крайней мере, им так казалось. Хозяева про них не забыли, они могли, если хотели, остаться жить в сторожке при условии, что будут присматривать за большим домом; коровы тоже должны были перейти в их собственность, хотя бы во временную, чтобы они могли сводить концы с концами.

– В любом случае на маслобойне вам станут платить больше, чем мы сможем себе позволить, – уверила их Хелоиз. – Нам кажется, что это вполне справедливо.

А капитан добавил, что пройдет время, и все уляжется, другого выхода нет.

Хелоиз сказала дочери, что они уедут в Англию, нужно только подыскать Китти Терезе какое-нибудь новое место, она ей обещала, и отправить уведомление старой Ханне.

– Мы что, надолго? – спросила Люси, зная, что услышит в ответ.

– Да, надолго.

– Насовсем?

– Нам бы этого вовсе не хотелось.

Но Люси знала, что так оно и будет. И Мореллы, и Гувернетты уехали насовсем. Бойсы перебрались на север, сказал Хенри, а дом пошел с аукциона. Она поняла скорее интонацию, чем слова, но сказано было именно так.

– Мне очень жаль, Люси, – сказал папа. – Мне правда очень жаль.

Во всем была виновата мама, но и он тоже был виноват. Они были оба виноваты: и в том, как подавленно молчала старая Ханна, и в том, какие красные глаза были у Китти Терезы, а передник у нее промок от слез, которые безостановочно катились у нее по щекам и по шее, так что Бриджит по двадцать раз на дню говорила ей, чтобы она перестала. Хенри, ссутулившись, с мрачным видом ходил по двору.

– Ой, какая ты у нас модница! – воскликнул папа как-то утром, когда она вышла к завтраку в красном платье, – притворяясь, что ему весело.

Мама разлила у буфета чай и подала к столу чашки с блюдами.

– Давай-ка не кукуйся, хорошая моя, – сказала мама и склонила голову набок. – Не кукуйся, ладно? – попросила она еще раз.

Хенри проехал на телеге под окнами, повез на маслобойню фляги со сливками; ничуть ни повеселев, Люси сидела и слушала, как стихает на подъездной аллее стук копыт. Две минуты: как-то раз за завтраком папа засекает время по карманным часам.

– Подумай, каково бедной дочке лудильщика, – сказала мама. – У нее никогда не было крыши над головой.

– У тебя всегда будет крыша над головой, Люси, – пообещал ей папа. – Нам всем время от времени приходится привыкать к чему-то новому. Просто приходится, леди, и все.

Ей нравилось, когда он называл ее леди, но сегодня утром ей это совсем не понравилось. Она не понимала, зачем нужно привыкать к чему-то новому. А когда они ее спросили, она сказала, что не хочет есть, хотя есть ей хотелось.

Потом на пляже был прилив, и волны набегали на изрисованный чайчьиими следами песок и на маленькие бугорки, оставленные песчаными червями. Пес О'Рейли бегал за толстыми стеблями водорослей, которые она ему бросала, и думала при этом: и сколько же, интересно, осталось дней. Никто ей этого не сказал; а она не стала спрашивать.

– А теперь давай иди домой, – приказала она псу, указав рукой на обрыв, а когда тот не послушался, стала говорить с ним папиным голосом.

Дальше она пошла одна – мимо каменистой гряды, которая выдавалась в море, как палец, потом через ручей, там, где были уложены камни для переправы. Поднявшись немного вверх по лесистому склону балки, она перестала слышать море и внезапные, отрывистые вскрики чаек. Сквозь лесную полутьму пробивались длинные узкие полосы света. «Я эту лощину еще и до середины не прошел», – говорил обычно Падди Линдон. Он у себя возле хибары расчистил делянку, сказал он ей однажды, и каждую весну сажает там картошку; но сегодня она была не в настроении идти искать его хижину.

– Кто со мной поедет в Инниселу? – спросил в тот день после обеда папа, и, конечно же, она сказала, что тоже хочет ехать. Папа откинулся в таратайке, устроился поудобней, небрежно пропустив между пальцами вожжи. В первый раз его возили в Инниселу, сказал он, в пять лет, чтобы подрезать уздечку под языком.

– А что такое уздечка?

– Маленькая такая перемычка у человека под языком. Если она слишком короткая, человек косноязычный.

– А что такое *косноязычный*?

– Это когда человек не может говорить так, чтобы всем было понятно.

– А ты не мог?

– Говорят, что не мог. В общем, было не очень больно. Зато потом мне подарили набор мраморных шариков.

– А мне кажется, должно быть очень больно.

– Ну, тебе-то это не грозит.

Шарики лежали в плоской деревянной коробке с крышкой, которую можно было сдвинуть в сторону, а потом задвинуть на место. Она стояла в гостиной, рядом с доской для багатель³. Когда взрослые принимались играть в багатель, ей приходилось вставать на табурет, чтобы все видеть, но она знала, что это были те самые шарики, потому что он однажды ей об этом уже говорил. И забыл об этом. Иногда он забывал про такого рода вещи.

– А в Килоране есть рыбак, который совсем не умеет говорить, – сказала она.

– Я знаю.

– Он пальцами разговаривает.

³ Настольная игра, в которую играют на доске с лунками, куда нужно закатывать шарики.

– Ага.

– Сразу видно, когда он хочет что-то сказать. А другие рыбаки его понимают.

– Да, такие дела. Кстати, не хочешь подержать вожжи?

В Инниселе папа купил в магазине Домвилла новые чемоданы, потому что своих было мало. Один из продавцов вышел из магазина за ними следом и сказал, что ему очень жаль. Если бы ему сказали, что так все обернется, он бы ни за что не поверил, сказал он. Не думал, что доживет до таких времен.

– Даст Бог, еще вернетесь, капитан.

Папа все кивал и ничего ему на это не отвечал, пока наконец не протянул ему руку и не назвал мистером Ботвеллом. Новые чемоданы никак не хотели уместиться в таратайке, но в конце концов с ними сладили.

– Ну что ж, – сказал папа; в таратайку он садиться не стал, но взял Люси за руку так, что она поняла: им пора.

Он умел открывать дверь в магазине Аллена так, чтобы не зазвенел колокольчик. Он просто приоткрывал ее чуть-чуть, протягивал руку и перехватывал рычажок у притолоки, а потом распахивал дверь, и они входили. Он перегибался через стойку, снимал с полки стеклянную банку и высыпал конфеты в чашу весов. Он ссыпал их в бумажный пакет, ставил пакет обратно на весы и закрывал банку стеклянной крышечкой. Больше всего ему нравились лакричные ириски с нугой, и ей тоже. *Лимонная сладкая свежесть*, было написано на серебристых обертках лакричных ирисок.

Пока он отвешивал конфеты, ей очень хотелось смеяться, впрочем, как всегда, но она не смеялась, потому что все испортишь. Он распахивал дверь, и звенел колокольчик. «Четыре с половиной пенса», – говорил он, когда из задней двери выходила девушка с косами. «Господи, как вы меня напугали!» – говорила девушка.

Пока они ехали через город, правил он всегда сам. Он крепко держал в руках вожжи, сидел прямо, поддергивая то одну, то другую, и время от времени перехватывал их обе одной рукой, чтобы помахать кому-нибудь.

– Что значит «и Каунти»?⁴ – спросила она, когда они проехали мимо последнего магазина.

– И Каунти?

– «Дрисколл и Каунти», «Бродерик и Каунти».

– «И К.». А, это «К» значит не «Каунти», а «Компания». «И Компания с ограниченной ответственностью». «Лтд» значит «лимитед», с ограниченной ответственностью.

– А в школе это значит «Графство». «Графство Корк», «Графство Уотерфорд».

– Просто одинаковое сокращение. Сокращают слово, чтобы не делать слишком длинных надписей на карте или на вывеске.

– Смешно, что они одинаковые.

– Хочешь подержать вожжи?

В таратайке царил запах кожи, но, когда новые чемоданы привезли домой и открыли, он стал еще сильнее. Сундуки были уже наполовину собраны, они стояли раскрытыми, и крышки держались на ленточках, которые складываются, если сундук закрыть. Хенри обмерял окна, чтобы потом заколотить их досками.

– А кто у нас еще ни разу не катался на поезде? – спросил папа в своей обычной манере, как будто ей до сих пор было три, не то четыре годика.

Сам он когда-то на поезде ездил регулярно, по три раза в год, в школу. У него до сих пор сохранились и сундук, и сумка с написанными черной краской инициалами. Она попросила

⁴ Каунти (County) – графство, административная единица в Великобритании и ряде других англоговорящих стран, включая Ирландию.

его рассказать про школу, а он сказал, что расскажет позже, в поезде. А сейчас все слишком заняты, сказал он.

- Я не хочу никуда уезжать, – сказала она, поймав маму в родительской спальне.
- Мы с папой тоже не хотим.
- Почему же тогда мы уезжаем?
- Иногда приходится делать вещи против собственного желания.
- Папа же не хотел убивать того человека.
- Это Хенри тебе рассказал?
- Ничего он не рассказывал. И Бриджит не рассказывала.
- Когда ты злишься, ты начинаешь вести себя невоспитанно, Люси.
- А я и не хочу вести себя воспитанно. Я не хочу с вами ехать.
- Люси...
- Я никуда не поеду.

Она выскочила из комнаты и побежала к своим камешкам на переправе. Они пришли за ней в лес, ходили и кричали и нашли ее в конце концов, но, что бы она им ни говорила на обратном пути, они ничего не слышали. Они не хотели слышать и даже слушать не хотели.

– Поедешь со мной на маслобойню? – спросил ее на следующий день Хенри, и она скорбно покачала головой.

- Давай попьем на лужайке чаю? – с улыбкой предложила мама.

А когда на траве расстелили скатерть и принесли лимонник, ее любимый торт, папа спросил, не проглотила ли она, часом, язык. Ей захотелось, чтобы она никогда не ездила с ним в Инниселу и не спрашивала его про уздечку и про вывески над магазинами. Они все притворялись, все время.

- Смотри, – сказал папа, – ястреб.

И она подняла голову, хотя вроде и не собиралась этого делать. В небе кружила едва заметная точка, и это был ястреб. Она смотрела на эту точку, а папа сказал: не плачь.

* * *

В спальнях больше не было слышно, как всхлипывает Китти Тереза, потому что Китти Тереза уехала, уехала домой в Дунгарван, когда выяснилось, что нового места ей найти не получится. В тот день, когда они вернутся в этот дом, она тоже вернется, пообещала она перед отъездом. Где бы она к этому времени ни оказалась, она вернется.

– Они сняли жилье, – сказала на кухне Бриджит, а Хенри взял с полки над плитой листок бумаги с написанным на нем адресом. Поначалу он вообще ничего не сказал, а потом сказал: вот, значит, как.

– Только на время, пока не оглядятся как следует, – сказала Бриджит. – А потом, сдастся мне, они купят собственный дом.

На дворе Хенри распиливал доски, чтобы заколотить окна. Люси наблюдала за ним, сидя на планке, прибитой под грушевым деревом, которое разбросало ветви вдоль всей восточной стены двора, самой длинной. Какое-то время назад она начала купаться в одиночку, по пути из школы, вешала где-нибудь одежду и ранец, наскоро забегала в море и выскакивала обратно, а потом обсыхала как бог пошлет. Хенри знал; она представить себе не могла, откуда он знает, но он знал. И если она сейчас как бы между делом выскользнет со двора, он наверняка догадается, куда она пошла. Ну, и бог с ним. Даже если он пойдет и нажалуется на нее, ей все равно. Вообще-то на него не похоже, но в последнее время столько всего переменялось, что даже и с Хенри станется.

В поле над обрывом она услышала, как в Килоране вызванивают анжелюс⁵. Иногда отсюда слышно, иногда нет. Колокола еще продолжали звучать, когда она стягивала с себя одежду на пляже. А потом перестали, когда она забежала в воду, нырнула и тут же вынырнула. Эта часть купания всегда была самой приятной – медленно брести навстречу волнам, и прохлада поднимается по коже, и кожа становится упругой, а внизу по ступням вода откатывается обратно. Она раскинула руки, толкнулась на глубину и дала отливу волю нести ее куда вздумается.

Когда она заходила в воду, пляж был совершенно пуст, из конца в конец. С моря было не очень хорошо видно, но по дороге назад она уже знала, что движущееся пятно на песке – это псина О'Рейли, которая гоняется по пляжу за собственной тенью. Пес часто так развлекался; пока она смотрела в его сторону, он на секунду остановился, проверил, где она там в воде, а потом снова рванул с места.

Она перевернулась на спину. Если она решит сбежать от них, то можно будет воспользоваться короткой дорогой, о которой ей говорил Падди Линдон. «Иди по крутой стороне лощины в ту сторону, где лес выше, – повторял он, и не один раз. – Надо только идти все время в одну сторону, и рано или поздно выйдешь на дорогу».

Она снова поплыла к берегу, а когда вода стала мелкой, встала на ноги и пошла через прибой. Пес что-то вынюхивал на галечнике, и она поняла, что он уже наверняка стянул что-нибудь из одежды и даже успел припрятать украденную вещь, закопав ее в гальке или под кучей водорослей. Начав одеваться, она обнаружила, что нет нижней рубашки; она обыскала галечник и рваную линию выброшенных на берег водорослей, но так и не смогла ее найти.

Безымянного пса ругали всю обратную дорогу, и он плелся нога за ногу, льстиво заглядывая Люси в глаза, жалкий и беспомощный, пока наконец она не решила, что с него хватит. После чего лохматой нечесаной собачьей голове было дозволено припасть к коленям Люси, чтобы получить свою долю ласки.

– А теперь домой, – приказала она и снова пришла в ярость, потому что никто и не думал ее слушаться; она проводила хулигана взглядом и решила, что она ему это еще припомнит.

У себя в комнате она возместила недостающую рубашку, забравшись в уже уложенные в сундук вещи. Он другой дорогой никогда и не ходит, говорил когда-то Падди Линдон, если направляется, скажем, на крестный ход в Дунгарван или там на воскресный херлинг⁶. Если день выдастся удачный, по дороге его нагонит чья-нибудь телега и можно будет напроситься в попутчики.

* * *

– А этот специально для тебя, – сказал папа.

Он за ним одним еще раз ездил к Домвиллу. Он был синий, не как другие чемоданы, и маленький, потому что она и сама была еще маленькая. Настоящая кожа, хоть и синяя, сказал папа, и показал, как вставляются ключи в навесной замочек.

– Теперь самое главное, чтобы мы не посеяли ключи, – сказал он. – Может, я оставлю один у себя?

Улыбаться она не могла, а плакать не хотелось. И все ее вещи, все ее ценности как раз сюда поместятся, и кремешки, и палка-кинжал.

– А потом как-нибудь мы напишем на крышке *Л.Г.*

– Спасибо, папа, – сказала она.

– А теперь иди и уложи в него свои вещи.

⁵ Католическая молитва.

⁶ Древняя ирландская национальная игра, нечто вроде травяного хоккея.

Но у нее в спальне чемодан так и остался стоять пустым на стуле у окна, с запертой крышкой, и ключик, который так легко входил в замок, болтался привязанным к ручке.

* * *

– Понятное дело, – сказала Бриджит, когда ей объяснили, что может пройти какое-то время, прежде чем пришлют по крайней мере за некоторыми из оставленных в доме вещей. Были оставлены инструкции: чтобы они с Хенри хотя бы время от времени проходились по комнатам, потому что в пустых домах вещи иногда портятся сами собой. Люси все это слышала.

В прихожей уже приготовили простыни, чтобы затянуть ими мебель. На лестничной площадке первого этажа лежала стопка вещей для благотворительной распродажи: одежда, которую решили не брать с собой. Там были и вещи Люси, как будто кто-то мог знать, что они уже наверняка ей не пригодятся.

– Ну, не надо, хорошая моя, не надо.

Мама стояла в дверях ее спальни, но Люси не подняла головы, а так и лежала, уткнувшись лицом в подушку. Потом мама подошла и обняла ее. Она утерла ей слезы, и от платка шел знакомый запах, всегда один и тот же. Все будет хорошо, сказала мама. Она обещает, что все будет хорошо.

– Мы должны попрощаться с мистером Эйлвордом, – сказал ей папа чуть позже, отыскав ее в яблоневом саду.

Она покачала головой, но потом он взял ее за руку, и они пошли через поля и вдоль по пляжу в Килоран. Пес О'Рейли стоял и смотрел на них с вершины обрыва, но ближе подходить не стал, потому что рядом с ней был папа.

– А может быть, я останусь с Хенри и Бриджит? – спросила она.

– Ну уж нет, – сказал папа.

Рыбаки раскладывали сети. Они поздоровались с ними, и папа тоже махнул в ответ рукой. Он что-то такое заметил насчет погоды, и один из них сказал в ответ, что погода вообще эти дни стоит замечательная. Люси поискала глазами того рыбака, который говорил на пальцах, но его поблизости не оказалось.

Она спросила папу, и тот ответил, что лодка того рыбака, должно быть, еще не вернулась на берег.

– Если я останусь с Хенри и Бриджит, со мной все будет в порядке, – сказала она.

– Нет, хорошая моя, нет.

Она опять взяла его за руку и отвернулась, чтобы он не понял, что она старается сдержать слезы. Когда они дошли до школы, он поднял ее так, чтобы она могла заглянуть в окошко. В классной комнате все было чистенько и аккуратно, потому что каникулы, и все осталось так, как велел мистер Эйлворд, – четыре пустых стола, скамейки придвинуты к ним вплотную, таблицы развешаны по стенам. *Байонеты придумали в Байонне. Сидр – это яблочный сок.* Доска была чистой, и тряпка, аккуратно сложенная, приткнулась рядом с коробочкой с мелом. Глянцевые карты – реки и горы, графства Ирландии и Англии – лежали на полке свернутыми в рулоны.

– Нам потребуется какое-то время, – сказал папа дома у мистера Эйлворда, кивнув головой в ее сторону, и она поняла, что под этим «мы» он вовсе не имел в виду всех троих членов своей семьи.

– Ну да, конечно, – сказал мистер Эйлворд. – Само собой.

– По правде говоря, – сказал папа, – на душе у меня кошки скребут.

Но, с другой стороны, что еще ему оставалось делать, спросил он у мистера Эйлворда, когда он увидел эти три тени и знал при этом, что где-то у них припрятаны канистры с бензином и что, кем бы они ни были, один из них отравил его собак? Он был сам не свой, когда нажимал

на курок, да еще и в темноте, сказал папа. Неудивительно, что из него так и не вышло хорошего солдата.

– Любой мужчина на вашем месте сделал бы то же самое, – сказал мистер Эйлворд.

Одна их лахарданских овчарок и раньше забредала на отравленную землю, сказал как-то раз Хенри; в тот раз она не сдохла, но тем не менее. Хенри тоже хотел, чтобы все было хорошо, и тоже притворялся, как все.

– А вы, барышня, не забывайте про стихи, – сказал мистер Эйлворд. – У нее здорово получается заучивать стихи наизусть, капитан.

– Она у нас славная девчушка.

Мистер Эйлворд поцеловал ее на прощание. Папа допил то, что было у него в стакане. Они пожали друг другу руки, и мистер Эйлворд сказал, что ничем другим это кончиться не могло. Потом они ушли.

– А зачем они приносили с собой бензин? – спросила Люси.

– Когда-нибудь я и об этом тебе расскажу.

Они прошли мимо рыбаков, которые уже успели разложить сети и теперь чинили их. На том самом месте, где стояли женщины, когда не вернулась «Мери Нелл». Когда она шла в школу, женщины уже были там, и когда она шла обратно, они по-прежнему там стояли, в туго замотанных черных платках, так что лиц было почти не разглядеть. Шторм, который потопил «Мери Нелл», давно уже кончился, и вовсю сияло солнышко. «*Ниспошли нам благословение Твое*, – молились они вместе с мистером Эйлвордом, – *дабы спасены они были и избавлены от смерти в пучине*». Но в тот же самый день они услышали, как причитают женщины. Никто из рыбаков не пришел с моря, никто не спасся, потому что балликоттоновскую спасательную шлюпку прибило к берегу пустой. На берег вымыло разбитые доски и драные куски парусины, щепки от мачты и палубы – и ни единого тела. «Море людей не отдаст, – сказал Хенри. – И никогда не отдавало». Когда гибнет судно, акулы сплываются со всех сторон, за многие мили вокруг.

Когда они с отцом проходили мимо рыбаков, Люси показалось, что она снова слышит женский плач, скорбные причитания, которые доносятся из-за половины здешних дверей, – безнадежное эхо страшных времен, которое вернулось в другие времена, не менее страшные. Веселье, которое теперь заглядывало порой в Лахардан, было не настоящим и длилось ровно столько, насколько у всех хватало сил притворяться.

– Я не хочу уезжать из Лахардана, – сказала она отцу на пляже.

– Видите ли, леди, нам этого тоже совсем не хочется.

Он наклонился и поднял ее, совсем как в те времена, когда она была маленькой. Он вытянул руки над головой и велел ей поглядеть, не видно ли где в спокойном, тихом море того рыбака, который умеет говорить на пальцах, но она, конечно, никакой рыбацкой лодки не увидела да и не могла увидеть. Он опустил ее обратно на землю и стал писать камешком на песке. *Люси Голт*, написал он.

– Очень красивое имя.

Они вскарабкались на обрыв в том месте, где подъем был полегче, и вышли на поле, соседнее с реповым полем О'Рейли; в прошлом году здесь рос ячмень. Когда мистер О'Рейли убирал здесь урожай, любой, какой бы ни вырос, он всегда махал Люси рукой.

– Почему нам обязательно нужно уезжать? – спросила она.

– Потому что они не хотят, чтобы мы здесь жили, – ответил папа.

* * *

Хелоиз написала в свой банк, в Англию, объяснила, что произойдет в ближайшем будущем, и попросила посоветовать, что ей делать с деньгами, которые все были вложены в раз-

личные предприятия, входящие в железнодорожную компанию «Рио Верде». Ее семья вот уже на протяжении нескольких поколений была связана с этой весьма солидной компанией, но в нынешних обстоятельствах – поскольку теперь, по крайней мере на какое-то время, ее наследственный капитал будет играть значительно более важную роль в ее собственной жизни, а также и в жизни ее мужа и ребенка, – такого рода пробный запрос не казался ей неуместным, и ответ из банка только подтвердил его своевременность. Железнодорожная компания «Рио Верде», которую на протяжении долгих восьмидесяти лет существования отличали устойчивость и финансовые успехи, в последнее время начала выказывать признаки того, что, вполне вероятно, могло оказаться предвестием определенной стагнации, коммерческого застоя. Хелоиз порекомендовали пересмотреть вложение всего, или, по крайней мере, значительной части капитала, который так долго верой и правдой служил ее семье.

Капитан съездил в Инниселу и попросил своего адвоката и старого друга Алоизиуса Салливана, который разбирался в финансовых тонкостях ничуть не хуже, чем в юридических, подтвердить или опровергнуть этот совет. Салливан разделял мнение банка: у «Рио Верде» колоссальный коммерческий опыт и немалый резервный фонд, так что в одночасье они никак не обанкротятся, но, даже и принимая во внимание все эти обстоятельства, он бы посоветовал сформировать более разнообразный портфель ценных бумаг.

– Впрочем, нет особого смысла забивать себе этим голову до отъезда, – отрапортовал капитан Голт, вернувшись в Лахардан. Опять же, в полном соответствии с информацией, полученной из банка, адвокат уверяет, что нужды в какой-то особенной спешке нет.

Они поговорили об Англии, о множестве других вещей, сугубо практических, о которых придется позаботиться чуть позже, когда слегка улягутся разыгравшиеся чувства. Там у них будет совершенно другая жизнь! – подумали оба, но никто не сказал этого вслух.

* * *

В длинном чулане рядом с входом в погреб висели в рядок соломенные рыбные корзины. Они были плоские и не слишком вместительные, так что Люси взяла две, по одной за раз, и не в один день. Из ларя в кладовке она брала хлеб, в первый раз это была краюшка белого, потом ржаного или ситного, любой кусок, пропажа которого не бросится в глаза. Она заворачивала их в магазинную оберточную бумагу, которая хранилась в ящике кухонного буфета. Она заполнила сперва одну корзину, потом другую пакетиками, яблоками, зеленым луком и той едой, которую она тайком убирала с собственной тарелки в столовой, когда никто на нее не смотрел. Корзины она держала во дворе, в сарае, в который никто не заглядывал, под развалившейся садовой тачкой.

В стопке сложенных на лестничной площадке вещей она нашла себе юбку и джемпер. И замотала их в узел, в старое черное мамино пальто: по ночам будет холодно. Никаких лишних звуков, кроме шороха тряпок, на площадке она не слышала, и никто не встретился ей по дороге, когда она шла по задней лестнице, и потом, на собачьей дорожке.

* * *

В последний день перед отъездом, после обеда, капитан Голт со смутным чувством невыполненного долга решил разобрать бумаги. Но занятие это оказалось на удивление нудным, и, оставив его, он взамен взял винтовку, из которой стрелял в поджигателей. Разобрав ее, он тщательно вычистил и смазал все ее детали, как будто предчувствуя, что в будущем она ему понадобится, хотя везти ее с собой в Англию не собирался.

– Вот так, одно к другому, все и наладится, – бормотал он себе под нос не раз и не два. Отъезд, приезд, мебель, которая когда-нибудь снова встанет вокруг них на свои места, – время

и обстоятельства так или иначе расставят все по порядку, и жизнь наладится, как наладилась она уже у многих беженцев.

Он усилием воли усадил себя обратно за бумаги и постарался сделать все, что только можно было сделать.

* * *

Хелоиз затынула на уложенных сундуках кожаные ремни и прикрепила к ним заранее написанные ярлычки. Думая о том, увидит ли она еще хоть раз те вещи, которые остаются в доме, она принялась раскладывать шарики камфары по ящикам и шкафам, по рукавам и карманам.

Стояла самая бесполовая часть дня. Какими бы тревожениями ни было заполнено утро и чем бы этот день ни отличался от других дней, в это время в нем всегда стояла тишина. Пока не наступит вечер, не будет ни стука кастрюль, ни граммофонной музыки в гостиной, ни звука голосов. Хенри сносит вниз уложенные сундуки и чемоданы, и по нему ни в жизнь не догадаться, какая скорбная это для него работа. Бриджит расстелила на кухонном столе гладильное одеяло, чтобы отутюжить воротнички, которые понадобятся капитану в дорогу. В глубинах кухонной плиты только-только начали накаляться станины для утюга.

* * *

Когда Люси прошла мимо открытой двери на кухню, Бриджит даже не подняла головы. Хенри во дворе не было. Шумно было только в саду: стоило ей войти в калитку, и из-под яблонь с граем взлетели потревоженные грачи.

Она пошла вверх по склону, как советовал Падди Линдон, зная, что Хенри может отправиться искать ее по более простому маршруту, через лощину. Она не знала, сколько времени займет у нее дорога в Дунгарван; у Падди Линдона со временем вечно были нелады. Она не знала, где там искать дом Китти Терезы, но люди, которые рано или поздно встретятся ей и подвезут, наверняка знают. Китти Тереза наверняка скажет, что отвезет ее обратно к родителям, но это будет уже не важно, потому что тогда все переменится: все то время, пока Люси готовилась к побегу, она знала, что все будет именно так, а не иначе. Как только они обнаружат, что ее нет дома, как только до них дойдет, что случилось, все переменится. «У меня у самой просто сердце на части разрывается, – сказала мама. – И у папы. У папы тем более». Когда Китти Тереза привезет ее домой, они скажут, что всегда знали, что уезжать им не следует.

Она прошла мимо поросшей мхом скалы, которую помнила по одной из своих прошлых вылазок, потом поваленное дерево, совсем незнакомое, с острыми обломанными сучьями, на которые можно напороться, если идешь в темноте. Сейчас темно не было, а было скорее сумеречно, как всегда бывает в чаще. Но скоро стемнеет, через час или около того, и до той поры нужно обязательно выйти на дорогу, хотя наверняка до утра по ней уже никто на телеге не поедет. Она прибавила шаг и почти сейчас же споткнулась и упала всем телом, лицом вперед, застряв ногой в норе. Резкая боль пронзила ее, когда она попыталась согнуть ногу в колене. Встать она так и не смогла.

* * *

– Люси! – выйдя во двор, крикнул капитан Голт. – Люси!

Ответа не последовало; он вернулся в дом и крикнул Хенри через гостиную, в которую из углов уже напознала понемногу полумгла.

– Если увидишь Люси, скажи ей, что я пошел попрощаться с тем рыбаком, которого мы с ней в прошлый раз не застали.

По аллее, а потом по дороге, сказал он, обратно через пляж.

– Скажи, что я не буду возражать, если она составит мне компанию.

Выйдя на площадку перед домом, он еще раз позвал ее по имени, прежде чем отправиться в путь.

* * *

– Да вроде недавно тут была, – сказала Бриджит. – Где-то здесь я ее видела.

Ничего необычного в этом не было; Люси довольно часто куда-нибудь исчезала. Встретив Бриджит на лестнице, Хелоиз задала ей этот вопрос, но безо всякого особого беспокойства. Может, отправилась, предположила Бриджит, попрощаться с этой О'Рейлевой псиной.

– Мне хорошо было жить в одном доме с вами, Бриджит, – выдалась спокойная минута, и Хелоиз не слишком спешила вернуться к разложенным в спальне чемоданам. – Все эти годы мне была очень нужна ваша поддержка.

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы никуда не уезжали, мэм. Чтобы все сложилось по-другому.

– Я знаю. Знаю.

* * *

По пути через подъездную аллею капитан думал о том, как должны сложиться обстоятельства, чтобы ему еще раз выпало удовольствие ходить по этому длинному тенистому коридору из сплетшихся ветвей, которые почти не пропускали солнечного света. По обе стороны разрослась, как могла, некошенная трава, с желтыми пятнами одуванчика, с полуувядшими буйными порослями наперстянки в тени деревьев. Он постоял немного у сторожки, где и после их отъезда будет продолжаться жизнь. Теперь, когда черта была подведена, ему уже не казалось, что он еще когда-нибудь сможет привезти свою семью обратно в Лахардан. Это предчувствие явилось нынче вечером из ниоткуда, незванным эхом всего того, в чем он в эти последние несколько дней никак не желал себе признаться.

За воротами аллея выходила на светлый глинистый проселок, и он свернул налево; жимолость уже набила ягоды и совсем не пахла, в живой изгороди цвели сентябрьские фуксии. Им не долго придется рассчитывать только на капитал Хелоиз. Он смутно видел себя сидящим в конторе какого-нибудь торгового пароходства, хотя, честно говоря, не слишком представлял себе, чего должна требовать от человека работа в такого рода местах. Впрочем, это не слишком важно, он возьмется за любую достойную работу. Время от времени они будут наезжать сюда, просто для того, чтобы взглянуть, как здесь идут дела, чтобы не прерывалась связь. «Это не навсегда», – сказала вчера вечером Хелоиз и принялась говорить о том, как они будут заново открывать окна, снимать чехлы с мебели, растапливать камин, выпалывать сорняки на клумбах. И он тоже сказал, нет, конечно, не навсегда.

В Килоране он поговорил глухонемым рыбаком, так, как научился еще в детстве: делать побольше жестов и отчетливо проговаривать слова. Они попрощались. «Не так чтобы очень надолго». – Он оставил за спиной выговоренное одними губами обещание и почувствовал, что даже и оно прозвучало фальшиво. Он постоял немного над обрывом, где росли пучки полевых гвоздик. Поверхность моря была подернута легкой рябью бликов от последнего, отраженного небом закатного зарева. Набегала тихая волна, почти без пены. И больше – ни единого движения до самого горизонта.

Правильно ли он сделал, что не сказал ни Хелоиз, ни дочери о своем предчувствии: что вернуться никак не получится? Не следовало ли ему еще раз съездить к той семье в Инниселу и еще раз попытаться договориться с ними? Может, нужно было предложить им сумму большую, чем он назвал, любые деньги, которые могли бы возместить причиненный им ущерб, и при этом признать, что вся вина за ночное происшествие лежит на нем, а не на этих троих нарушителях границ чужой собственности? Спускаясь вниз на галечник, скрипя камушками под ногой по дороге к песчаному пляжу, он никак не мог найти ответа на эти вопросы. Не мог он их найти и позже, когда шел по пляжу, останавливаясь время от времени, чтобы бросить взгляд на пустынное море. Он мог бы сказать себе, что в этот последний вечер он слишком легко и беззаботно предал собственное прошлое, а затем, по накатанной, предал также и дочь и жену. Из них троих он ближе всех был к этим местам и людям, и его любовь к этой, считай, уже брошенной земле, и к дому, и к саду с огородом, и к морю, и к морскому берегу должна была подсказать ему правильный путь, направить его, помимо воли, не принимая в расчет никаких разумных доводов. Однако, роаясь в глубинах собственной души, он не находил чувства, которое смогло бы повести его за собой, а только нерешительность, только смятение.

Он развернулся и пошел к обрыву, и под ногами снова захрустела галька. Его дом, которого поначалу не было видно, вскоре показался из-за деревьев, и в окне на верхнем этаже горел свет. Он запнулся ногой обо что-то, лежащее на камнях, и нагнулся, чтобы подобрать с земли находку.

* * *

– Люси! – позвала Хелоиз, а Хенри сказал, что она могла побежать вслед за отцом. Он ее не видел и не передавал ей того, что велел сказать капитан, но она в последние дни вообще сама не своя, так что, может быть, как раз пряталась где-нибудь во дворе и сама все слышала. Она вообще уже три дня ни с ним самим, ни с Бриджит даже слова не сказала. Так что, если прикинуть, как оно все складывается, нет ничего удивительного в том, что она не вернулась домой к чаю.

Хелоиз слышала, как он зовет Люси во дворе, ищет ее по сараям и навесам. «Люси!» – кричала она сама сперва в саду, потом на выгоне, через который шла обратная дорога от О'Рейли. Она постояла за калиткой в беленой изгороди, которая отделяла поля от площадки перед домом. Потом пошла, хрустя гравием, через площадку на гортензиевую лужайку.

Это имя лужайке дала именно она, точно так же, как выяснила когда-то, что поля в Лахардане тоже раньше имели свои имена: Длинный луг, Клеверный склон, Джон Джо, Поле у реки. Ей всегда хотелось, чтобы эти названия снова вошли в обращение, но никому, кроме нее, это было не интересно. Гортензии буйно цвели, и даже в темнеющих сумерках их голубая кипень была различима вдоль всей идущей полукругом каменной ограды. Ей всегда казалось, что это – самая милая из всех присущих Лахардану особенностей.

– Люси! – крикнула она в самую гущу деревьев. Потом постояла и послушала тишину. Потом пошла в лес и минут через двадцать вышла к тропинке, которая вела к камням на переправе через ручей.

– Люси! – крикнула она. – Люси!

Она выкрикивала имя дочери и позже, вернувшись домой, когда открывала двери давным-давно запертых комнат и карабкалась по лесенкам на чердаки. Затем спустилась вниз. Остановилась у открытой входной двери и тут услышала, как возвращается муж. Она знала, что он возвращается один, потому что голосов слышно не было. Она слышала, как отворилась и снова закрылась калитка, в которую она недавно выходила, как легла на место щеколда.

– Люси с тобой? – Она еще раз напрягла голос, чтобы задать вопрос издали.

Его шаги по хрусткому гравиию вдруг замерли. Он был едва различим в темноте, одна только тень.

– Люси? – сказала она.

– А разве Люси не здесь?

Он так и остался стоять там, где остановился. В руке у него было что-то белое, и луч света от лампы падал на это что-то через открытую входную дверь.

2

– Матерь Божья! – прошептала Бриджит и побелела как полотно.

– Вот я тебе и говорю, – медленно сказал Хенри. – Они ходили на пляж, сказал он. Сперва капитан прошел через поля, а потом они оба вернулись вниз, на пляж. Он нашел ее вещи. Как раз был отлив, а он шел из Килорана. Вот так он и сказал.

Да нет, не может такого быть, сказала Бриджит. Не может такого быть, как он говорит.

– Матерь Божья, не может такого быть!

– Отливом все должно было унести. Кроме того, что застряло в камнях. У него в руке была какая-то тряпка... – Хенри запнулся. – Мне когда еще казалось, что она бежит купаться в одиночку. Если бы я точно ее на этом подловил, уж конечно бы сказал им.

– А может, она там где-нибудь, в камнях? Она все эти дни просто сама не своя. Может, пошла туда, ну, где она креветок ловит?

Хенри ничего на это не сказал, а потом Бриджит и сама покачала головой. Зачем ребенку снимать на пляже одежду, как не для того, чтобы искупаться в море в последний раз перед отъездом?

– И я вот тоже думала, – сказала она. – Волосы у нее иногда были как будто влажные.

– Пойду спущусь вниз. Отнесу им фонарь.

Оставшись одна, Бриджит стала молиться. Когда она сложила руки вместе, ладони оказались совсем холодные. Она молилась вслух, захлебываясь слезами. Через несколько минут она пошла за мужем следом, через двор и через яблоневый сад, на выгон, а потом вниз, на пляж.

* * *

Они смотрели сквозь темноту в пустое море. Они не говорили ни слова, но стояли близко друг к другу, так, словно боялись вдруг остаться в одиночестве. Волны ласково шуршали о песок, море наступало, всякий раз чуть выше прежнего, – прилив.

– Ой, мэ-эм, мэ-эм! – Голос у Бриджит был резкий, и шумный шаг по каменистой осыпи, прежде чем она вышла на песок. Если бы она чуть раньше подумала, причитала Бриджит, и слова наскокивали одно на другое, а черты лица в неровных вспышках фонаря, который держал Хенри, вообще, казалось, принадлежали другой какой-то женщине.

Капитан Голт и его жена растерянно обернулись ей навстречу. Может, хоть в этой бессмыслице вдруг обнаружится зернышко надежды, которой иначе взяться просто неоткуда? В секундном замешательстве оба подумали именно об этом, о единственной надежде.

– Нет, мэ, вы не подумайте, она ни полслова об этом не говорила. Просто нам с Хенри вроде как казалось. Как же это мы вам, сэ, сразу про это не сказали.

– О чем не сказали, Бриджит? – В голосе у капитана была усталая вежливая нотка и терпение, он ждал, когда закончится эта неуместная сцена: вдруг вспыхнувшее ожидание уже успело обернуться – ничем.

– Я просто замечала иногда, что волосы у нее вроде как влажные, когда она приходит из школы.

– Она купалась?

– Если бы мы наверное это знали, мы бы вам сказали.

Повисла пауза, потом капитан Голт сказал:

– Вы ни в чем не виноваты, Бриджит. Никому подобное даже и в голову никогда не придет.

– То незабудковое платье, в котором она была, да, сэ?

– Нет, не платье.

Летняя рубашка, сказала Хелоиз, и в полном молчании они снова пошли туда, где капитан нашел рубашку.

– Мы все время ей ввали, – сказал капитан по дороге.

Хелоиз сперва не поняла этой его фразы. Потом она вспомнила, как они обнадеживали ее и давали ей обещания, зная, что навряд ли смогут эти обещания выполнить. Непослушание было единственным оружием, доступным ребенку, а обманывать они начали первыми.

– Она же знала, что я пойду с ней купаться когда угодно, – сказал капитан.

Кусок топляка, за который зацепилась та вещь, что нашел капитан, лежала на прежнем месте, смутно белея в темноте. Хенри поводил вокруг фонарем, пытаясь обнаружить еще что-нибудь, но безрезультатно.

Ошибка, которая отвела глаза капитану и его жене как будто обрела способность разрастаться и поглощать события и обстоятельства одно за другим – так что никто даже и не пытался увидеть в ней ошибку. Они, конечно, обыскали дом, надворные постройки сад, огород. Хотя ничто не указывало на то, что в такое позднее время девочка могла оказаться в лесу, сходили в лес и покричали ее там; потом отправились на кухню к О'Рейли. Оставалось одно только море. Отрицать обоснованность его претензий на главную роль в разыгравшейся трагедии казалось уже невыносимым и неуместным: факты настойчиво свидетельствовали именно в его пользу.

– Хенри, проводишь меня в Килоран? Попробуем взять у них лодку.

– Да, сэр, конечно.

– Оставь фонарь здесь.

Мужчины ушли. Несколько часов спустя, на каменистой косе, которая пересекала надвое длинный песчано-галечный пляж, между мелководными лагунами, где обычно ловили креветок, оставшиеся в Лахардане женщины нашли детскую сандалию.

* * *

Рыбаки из Килорана узнали о пропаже на заре, когда пришли с ночной рыбалки. Они сказали, что ничего со своих лодок ночью не видели и не слышали, но в их разговорах между собой как-то само собой всплыло старое местное суеверие. Акулы, которые сплываются на запах беды, дают добраться до берега разве что щепкам и прочей мелочи; рыбаки тоже оплакали смерть живого и здорового ребенка.

* * *

Прибрежные скалы уходили каждый день под воду и появлялись снова, окатанные волнами и обросшие ракушками, которые все более плотным слоем скрывали то, что когда-то было поверхностью камня; вот так же время вылепило из кажимостей – истину. День уходил за днем, складываясь в недели, и ни в один из них гладкая, основанная на ложном допущении поверхность ничем не была потревожена. Погода стояла чудесная, летняя, и ни знаком, ни намеком не давала понять, что люди поверили в обманку. Непарная сандалия, обнаруженная среди камней, выросла в набухший водой образ смерти; и так же, как в Килоране звуки женского поминального плача на причале означали смерть от воды, в Лахардане смерть от воды поминали молчанием.

Капитан Голт больше не просиживал ночи напролет у окошка в верхнем этаже, он уходил к обрыву и смотрел в пустынное темное море, проклиная себя, проклиная собственных предков, которым деньги ударили в голову, вот они и решили построить дом на пустынном морском берегу. Иногда безымянный пес О'Рейли набирался смелости и приходил постоять с ним рядом, опустив голову, так, словно чувствовал грызущую капитана тоску и сопереживал ей. Капитан его не прогонял.

Что здесь, что в доме всякое воспоминание означало печаль, а мысль не несла утешения. Им не достало времени, чтобы выгравировать ее инициалы на синем чемоданчике, но разве не было у них отныне времени хоть отбавляй, разве оно не тянулось бесконечно и каждый новый день с идущей за ним длинной и тягостной ночью разве не весил ничуть не меньше века?

«Девочка ты моя! – шептал капитан, глядя, как занимается очередная заря. – Девочка моя, прости меня, пожалуйста».

* * *

Пытка Хелоиз была разнообразней. Не желающие оставаться в прошлом, вульгарнейшим образом напоминающие о себе в самый разгар страдания, счастливые годы замужества казались ей теперь верхом эгоизма. Во всем доме не было ни единой комнаты, в которую она когда-то не заходила невестой и где бы не витали самые желанные еще недавно воспоминания: о граммофонной мелодии, под которую они с Эверардом танцевали, и его руки так легко лежали на ее талии, о ленивом тиканье часов в гостиной, где они читали у камина, подвинув к огню диван с высокой спинкой, а на решетке трещали поленья. Он вернулся с войны разочарованный, но зато, по крайней мере, живой. Ребенок рос; Лахардан давал средства к существованию, он же диктовал и стиль жизни. И все же, если бы Эверард женился на другой женщине, безжалостная цепочка причин и следствий даже и не начала бы разворачиваться – от этой мысли спрятаться было попросту невозможно.

– Нет-нет, – принимался возражать он, пытаясь переадресовать вину за случившееся кому-то другому. – Приди они еще раз, я бы целился наверняка.

И они оба еще раз переживали то утро, когда во дворе лежали две отравленные овчарки, холодные на холодных камнях. И снова Хенри разравнивал граблями камушки, там, где на гальке остались пятна крови.

«Что еще мы можем объяснить?» – шептала Хелоиз, но чувство вины не утихло – она слишком много не успела объяснить дочери.

* * *

– Я вот и думаю, а теперь-то они станут уезжать или нет? – задалась вопросом Бриджит, когда, по прошествии достаточно большого отрезка времени, приготовления к отъезду так и не возобновились. – У меня такое чувство, что им теперь все равно, что с ними будет.

– А разве все не решено?

– Ну, теперь-то все по-другому.

– То есть хочешь сказать, позовут обратно Китти Терезу? А с ней и Ханну?

– Я ничего не хочу сказать, чего не знаю. Я только хочу сказать, что не удивлюсь, как бы дело ни обернулось.

Бриджит всегда верила в то, что рано или поздно, когда в стране немного утихнет и насчет раненого удастся договориться о какой-никакой компенсации, капитан и его жена вернутся в Лахардан. Ей хотелось верить, что именно так и будет, и то обстоятельство, что стадо никто не собирался продавать, служило ей решающим аргументом.

– Да, наверное, ты права, – сказал Хенри. – Наверное, теперь они и в самом деле никуда не поедут.

* * *

Все необходимые формальности были улажены с возможным тщанием, так, как только позволяли обстоятельства. В поданном капитаном заявлении было практически невозможно отследить намек на какие бы то ни было чувства, но чиновник из регистрационного бюро, который приехал в Лахардан, чтобы его заверить, был очень тронут и всячески выражал свое сочувствие.

– Чего еще мы здесь ждем? – спросила Хелоиз после того, как он уехал. – Если и в самом деле правда то, во что верят рыбаки из Килорана, все кончено. А если они ошибаются, то для меня это такая жуть, что лучше просто ничего не знать. Если я в этом смысле сильно отличаюсь ото всех остальных матерей, если они бы на моем месте всю оставшуюся жизнь ползали по галечнику и между лагунами в надежде отыскать еще какую-нибудь ниточку или ленточку, которую они, может быть, вспомнят, значит, я действительно очень сильно от них отличаюсь. Если я бесчувственная, если я человек слабый и во мне живет страх, природы которого я не понимаю, значит, я и в самом деле бесчувственная. Но, при всем моем бессердечии, я не смогу однажды выглянуть в окно и увидеть, как белеют на пляже кости моего ребенка, – и понять все, что с ней случилось.

Горе связывало их, оно же и разъединяло. Один принимался говорить, другой едва его слушал. Каждый спешил повернуться спиной к бесполезному и ненужному сочувствию. И никакое предчувствие не помогло им в эту страшную пору – ни внезапное прозрение, ни голос во сне. Хелоиз уложила остатки багажа.

За прошедший мертвенно-тусклый отрезок времени она успела дать телеграмму в свой банк с просьбой перевести ее пакет акций «Рио Верде» в банк мужа, в Инниселу. Она сказала ему об этом, когда он собрался ехать к Алоизиусу Салливану, обговорить вновь открывшиеся обстоятельства.

– Господи, зачем же отсылать их нам именно сейчас? – удивленно возрился на нее капитан. – В этукую даль, когда мы вот-вот уедем отсюда?

Хелоиз ничего ему на это не сказала. Вместо ответа она написала расписку, которая давала ему право получить их на руки вместо нее.

– Просто мне так захотелось, – сказала она, отдав ему бумагу.

Эта эксцентрическая выходка не давала капитану Голту покоя все то время, пока он выполнял поручение жены. Не окажется ли в конце концов, что шок от пережитого, все это безумие, оставит после себя след столь же кошмарный, как и сами события минувшего лета? Подвергнуть ценные бумаги, и безо всякой на то необходимости, риску почтовой доставки, а затем еще всем возможным неожиданностям обратного путешествия на тот самый остров, с которого они только что прибыли. Перераспределение пая можно было осуществить без какой бы то ни было передачи документов; одних только указаний Хелоиз уже было бы вполне достаточно. В письме, где банк выражал свое отношение к будущему железнодорожной компании, это было оговорено достаточно ясно.

В Инниселе его так и подмывало отдать обратно полученный увесистый конверт и попросить переслать его, со всеми возможными предосторожностями, на адрес отправителя; объяснить, что произошла ошибка, вполне простительная в сложившейся ситуации. Но он этого не сделал, он не вернулся в Лахардан с нелепым, на ходу придуманным объяснением случившегося. Вместо этого он вручил ей то, что получил в банке, вместе с наилучшими пожеланиями от Алоизиуса Салливана. Содержимое конверта было внимательнейшим образом изучено, но, в ответ на добрые пожелания от поверенного, он получил всего лишь кивок, так, словно они не представляли для нее ровным счетом никакого интереса, хотя Хелоиз всегда была как-то по-особенному привязана к Алоизиусу Салливану.

В тот вечер они могли бы пройти вдвоем по дому, по саду с огородом, в поля. Но капитан Голт ничего такого ей не предложил и не пошел сам, как неизменно делал прежде. Яблони, пчелы в ульях, коровы, которые всегда были предметом его гордости, по-прежнему тянули его к себе, но жена значила гораздо больше. Если то, что ему показалось, соответствовало действительности, это была бы последняя, самая горькая капля.

Тихий и мрачный, он пил в одиночестве и пытался не думать о том, что во всем этом можно отследить ниспосланную свыше кару. Иначе с чего бы вдруг брат пошел на брата, и в одночасье этот глухой утолок превратился в преддверие ада? Он даже и не догадывался о том, что его страшные раздумья о тяготеющем над здешними местами проклятии имеют к истинному положению вещей столь же отдаленное отношение, как и ложная уверенность в причинах, по которым погибла дочь. Случай, а не гнев небес правил в то лето судьбой семьи Голтов.

* * *

В поезде Хелоиз молчала до самого Дублина. Она ненавидела проплывающие мимо окна поля и холмы, леса и рощи, молчаливые развалины так же сильно, как ненавидела оставшийся позади берег моря. Единственное, чего ей сейчас хотелось, – так это навсегда избавиться от пейзажей, которые когда-то приводили ее в восторг, от лиц, которые ей улыбались, и от голосов, которые звучали так по-дружески, так мягко. Снятая на время вилла в сассекском пригороде была отсюда недостаточно далеко; она уже не первый день думала об этом, но вслух не говорила. А теперь сказала.

Капитан выслушал ее. То обстоятельство, что жена, которую он тринадцать лет назад привез в Лахардан, теперь мечтала только о том, чтобы покинуть эти места, и ехать, ехать куда глаза глядят, все дальше и дальше, пока наконец какой-нибудь поезд не завезет их в такие места, где чужаки не вызывают ни пересудов, ни любопытства, – это он вполне мог понять и принять. Тихое семейное счастье в любезной сердцу Англии, которое когда-то рисовалось им обоим, теперь трудно было бы себе вообразить.

– Но сассекский адрес – единственный, который мы оставили, – сказал он просто потому, что должен был хоть что-то сказать.

Но ни Сассекс, ни тамошние пригороды с виллами, ни английская тишь да гладь больше его не беспокоили. А беспокоило его лицо жены, которое за последние дни сделалось совсем прозрачным, и то, как она смотрела на пейзаж за окном – остановившимся взглядом, и ее неживой голос, и руки, сложенные, как у статуи. Но даже и при всем этом он вдруг почувствовал некоторое облегчение. Телеграмма в банк не была результатом внезапного помрачения рассудка: Хелоиз всего лишь хотела как можно плотнее закрыть дверь в прошлое. Те бумаги, которые он привез ей из Инниселы и которые ехали теперь в багаже, должны были доставить им средства к существованию, где бы ни закончилось их путешествие.

– Куда угодно, – сказала она. – Куда угодно.

Из Дублина, с вокзала Кингз Бридж, капитан Голт отправил телеграмму, отменяющую договор об аренде дома в Англии. Когда он поставил последнюю точку, они сами стали островом: остров с багажом.

– Мы с тобой заодно, – сказал он; хрупкость душевного равновесия Хелоиз по-прежнему беспокоила его, но теперь у них был общий настрой, связанный с природой нынешнего бегства, с желанием затеряться, сбить память со следа. Он хотел успокоить ее, поэтому так и сказал.

Хелоиз не ответила, но потом, когда они ехали через город в порт, сказала:

– Странно, что мы с тобой ничуть не расстраиваемся из-за отъезда. А когда-то одна только мысль об этом казалась невыносимой.

– Действительно странно.

Таким вот образом, в четверг двадцать второго сентября 1921 года, капитан Голт и его жена покинули свой дом и, сами того не зная, еще и собственного ребенка. В Англии перед ними промелькнула безликая череда городов и сельских пейзажей. Все эти церковные шпили и деревенские дома, последние цветы душистого горошка в крохотных палисадниках, плети вьющейся по старательно натянутым проволочкам фасоли, прощальные фейерверки герани могли им встретиться и в какой-нибудь другой стране. Когда началась Франция, она и была – какая-то другая страна, хотя они и провели там несколько дней. *Мы уехали за границу*, написал капитан Голт своему поверенному в Инниселе, – одно из трех предложений на листе гостиничной почтовой бумаги.

3

Прежде чем закрыть мебель старыми простынями, которые она никогда даже и не думала выбрасывать, Бриджит как следует ее отполировала. Она вымыла окна перед тем, как Хенри забил их досками. Она отскребла ступеньки заднего крыльца, с которого сняли дорожку, и плитку на полу собачьей дорожки. Она упаковала стеганые и тканые одеяла.

Утром, когда в сумеречном доме уже не осталось никаких дел, за исключением тех, что в буфетной и на кухне, где по-прежнему царил свет солнца, Хенри прошелся с фонарем по верхним комнатам. Воздух почему-то уже успел застояться. Вечером дом нужно будет закрыть.

Настроение у обоих было подавленное. Каждый день, с тех пор как уехали Голты, они ждали, что вот-вот придет из деревни рыбак и скажет: сегодня они что-то зацепили сетью или веслом. Но никто не шел. А если придет, захотят ли Голты об этом знать? Бриджит никак не могла решить, а Хенри только качал головой, не в силах ответить на этот ее вопрос.

В прихожей он снял с лампы абажур и прикрутил фитилек. В молочной кладовке вымыл емкости, которые рано утром привез с маслобойни.

– Пойду почию ограду! – крикнул он Бриджит, когда та появилась на заднем крыльце, и увидел, что она ему кивнула издали.

Он подумал, а как бы он сам чувствовал себя, если бы вернулся сейчас в дом и сел ужинать, зная, что это в последний раз. Она готовила на ужин кусок копченой свиной грудинки.

Овчарки выскочили во двор, едва Хенри свистнул, и Бриджит смотрела, как они толкуются у него за спиной, когда он зашагал прочь.

– Все будет в порядке, – сказала она погромче, так, чтобы он услышал.

– Вот и мне кажется, что все устаканится, – сказал он.

У Бриджит не было ощущения, что она молилась зря. Она молилась, и этого вполне достаточно, а то, что Он ее не услышал, на то Божья воля. Все будет так, как назначено; и не смириться с этим нельзя, потому что по-другому все равно никак не будет. Когда-нибудь, в самый неожиданный момент, к сторожке придет старая Ханна, а может быть, даже и Китти Тереза, хотя она теперь и живет бог знает где. Хотя, с другой стороны, навряд ли Китти Тереза захочет к ним сюда наведаться. После всего, что Бриджит ей наговорила перед отъездом, нет, это, пожалуй, для нее будет слишком.

Больше всего будет не хватать этой большой старой кухни, подумала Бриджит, когда зашла туда в последний раз. Она, конечно, все равно будет приходить на двор, кормить кур, до тех пор, пока здесь будут куры; да и еще какая-никакая работа на дворе обязательно найдется. Когда только начала ходить на эту кухню с матерью, она, помнится, играла во дворе, а если шел дождь, сидела под навесом в летней кухне, раздувала торф колесными мехами и смотрела, как летят искры.

Она отчистила в раковине эмалированную кастрюлю – знакомый, вот уже который год, узор из трещинок на эмали. Она сполоснула ее, вытерла, поставила на место и подумала, интересно, настанет такой день, когда эта кастрюля снова пойдет в ход, и тут вдруг в ней поднялась внезапная волна хорошего настроения, да, конечно, обязательно будет, время лечит, и они непременно вернуться назад. Она взяла кусок грудинки и пошла к плите.

* * *

Увидев черное пальто, Хенри поначалу его не узнал. Когда-то он часто видел его на хозяйке, но это было много лет назад, и он успел забыть. А это еще откуда тут взялось, подумал он, – и больше ничего. Когда он в последний раз приходил сюда за камнем, чтобы заделать брешь в ограде О'Рейлева пастбища, здесь в углу ничего, кроме бурьяна, не было. Он постоял,

глядя на пальто, не сделав ни шагу дальше, в развалины, и собакам тоже велел остановиться. Потом медленно прикурил сигарету.

Камни, за которыми он сюда, собственно, и шел, лежали там же, где обычно, под стенами, из которых выпали, в крапиве. Он вспомнил, как за этим столом, от которого теперь остались только ножки и одна доска, сидел Падди Линдон. Крапива вокруг стола была вытоптана, и в угол, где лежало пальто, тоже вела тропинка. Еще там лежали две соломенные рыбные корзины, а в них обсиженные мухами огрызки яблок.

Он пытался найти во всем этом смысл, а когда перед ним забрезжило некое подобие смысла, ему совсем расхотелось подходить ближе. Одна из овчарок заскулила, и он велел ей заткнуться. Ему не хотелось поднимать пальто и смотреть, что там под ним лежит, но в конце концов он именно так и сделал.

* * *

Во дворе отрывисто тявкнула собака, и Бриджит поняла, что вернулся Хенри. Эта псина тявкала всякий раз, когда входила во двор, и Хенри даже пытался ее от этого отучить, но безрезультатно. Она подвинула на самый жар на плите сковороду с картошкой и ошпарила кипятком порубленную капусту. Она разложила на столе ножи и вилки и только после этого услышала на дорожке шаги Хенри. Когда она оглянулась от плиты, он стоял в дверях. В руках у него был какой-то узел.

– А это еще что такое? – спросила она, а он даже и не стал ей отвечать, а просто шагнул в кухню.

* * *

Всю обратную дорогу он торопился как мог, спешил разделить ответственность за то, что понял, один, в лесу, и что до сих пор никак не укладывалось у него в голове. Разве полная неподвижность ноши не была неподвижностью смерти? Раз за разом он клал ее на землю, чтобы глянуть еще раз, и даже пытался пальцами прикрыть глаза, которые смотрели на него снизу вверх, потому что как, спрашивается, в таком сыром и промозглом месте, да еще по прошествии такого количества времени, может сохраниться какая-то жизнь?

На кухне запах тушеной грудинки пробился сквозь никак не желавшее его отпускать замешательство – так же, как реальность выстраивает по порядку фрагменты сна. На буфете звонко тикали часы, над сковородкой поднимался пар.

– Матерь Божья! – заголосила Бриджит. – Ой, Матерь Божья!

* * *

Губы у девочки были перепачканы ежевичным соком. Вид у нее был совершенно больной, щеки ввалились, под глазами темные круги, волосы свалявшиеся, как у бродяги-лудильщика. Хенри, как мог, завернул ее в старое материнское пальто. Очень грязное пальто.

Наконец Хенри начал говорить. Он сказал, что пошел за камнями к хибаре Падди Линдона. На лице у него, как обычно, чувств не выражалось никаких, даже когда он говорил. «Ветчина и то, пожалуй, поживее будет», – как-то раз сказал отец Бриджит о лице Хенри.

– Царица Небесная! – прошептала Бриджит и перекрестилась. – Матушка-заступница!

Хенри медленно дошел до стула. Девочка была совершенно истощена и так слаба, что, казалось, жизни просто не за что в ней было зацепиться – эти невысказанные мысли теснились у Бриджит в голове, так же, как чуть раньше в голове у Хенри, и точно так же привели ее в

полное смятение. Как так могло получиться, что она спаслась из морской пучины? Откуда она вообще здесь взялась? Бриджит села, чтобы унять вдруг возникшую в коленях слабость. Она попыталась сосчитать, сколько же дней прошло, но все время сбивалась со счета. Казалось, целая вечность – с той ночи на пляже и до того дня, когда уехали Голты.

– Она взяла с собой из дому еды, – сказал Хенри. – Наверное, жила все это время на бутербродах с сахаром. И, слава богу, там возле самого дома есть вода.

– Она ведь никогда не жила в лесу, а, Хенри?

Каждое утро Бриджит брала с собой из створжки на кухню четки и клала на полку над плитой. Она отодвинулась от стола, встала, отыскала их и принялась перебирать, не ради молитвы, а просто для того, чтобы что-то было в руках.

– Она сбежала из дому, – сказал Хенри.

– Ой, ты, бедная моя...

– А теперь боится того, что натворила.

– И как тебе такое только в голову пришло, а, Люси?

Собственный голос показался Бриджит на удивление дурацким, и, услышав его как будто со стороны, она вдруг испытала чувство стыда за сказанную глупость. Разве не ее саму следует винить в том, что все поверили в историю о морском купании? Девочка ведь каждый божий день играла в какие-то свои игры в ложине и выше по склону, в лесу, – почему она никому не напомнила об этом? Почему она никому не сказала, что все эти рыбацкие байки – чушь, да и только?

– Что на тебя такое нашло, а, Люси?

С коленкой у нее совсем плохо дело, сказал Хенри. Когда они вошли во двор, она хотела было идти сама, но он ее не отпустил. Когда у тебя колено в таком состоянии, кто знает, чем это может кончиться. Может, оно там внутри совсем разбито, кто знает. Он сказал, что съездит за доктором Карни.

– Может, отнести ее пока наверх?

Он не скажет больше ни единого слова, подумала про себя Бриджит, пока этот заросший грязью ребенок не окажется наверху. До этого момента из него уже ничего не удастся выжать, зато потом он все выложит: как он на нее наткнулся и что она ему сказала, если она вообще что-нибудь ему успела сказать. Девочка была такая тихая, что казалось – она вообще больше никогда не произнесет ни звука.

– погоди, я согрею пару кувшинов воды.

Бриджит положила четки на каминную полку и переставила на жар уже вскипевший чайник. Из чайника едва ли не в ту же минуту повалил пар и полетели брызги. Капитан, хозяйка, Хенри – все бродят взад-вперед по пляжу и роются в гальке, идиоты чертовы, а она сама и того хуже, все испортила, что только могла. Как будто в яркой вспышке света, Бриджит увидела их всех совсем другими глазами.

– Есть хочешь, Люси? Ты же чуть с голоду не померла, да?

Люси покачала головой. Хенри тоже присел; бурая шляпа сдвинута чуть на лоб, как будто ее задело веткой в лесу, а потом, опустив свою ношу на стул, Хенри просто забыл ее поправить.

– Пресвятая Дева, помоги ей, – прошептала Бриджит и почувствовала кожей, как текут у нее из глаз теплые слезы: прежде, чем успела понять, что плачет, прежде, чем успела понять, что винить тут некого и не в чем. – Слава тебе господи, – шепнула она и вдруг обняла Люси за исхудавшие плечики. – Слава тебе господи.

– Теперь все будет хорошо, Люси, – сказал Хенри.

Бриджит налила кипятку в две большие бутылки.

Глаза у девочки были какие-то потухшие. Как будто ей было больно, но боль висела привычным тусклым фоном.

– Тебе плохо, Люси? Нога болит?

В глазах у девочки шевельнулось что-то похожее на отрицание, но ответа так и не последовало, ни звука, ни жеста. Хенри встал и поднял на руки ее послушное вялое тельце. Наверху Бриджит зажгла две лампы и держала их, пока он укладывал девочку на кровать, с которой неделю назад сняли одеяла и простыни.

– Ты там подожди, пока к тебе не выйдет сам доктор Карни, – проинструктировала Хенри Бриджит. – И быстрее вези его сюда. Возьми таратайку, пешком не ходи. А тут я теперь сама управляюсь.

Она порылась в бельевом шкафу на лестничной площадке и отыскала ночную рубашку.

– Вот мы сейчас с тобой искупаемся, – сказала она, постелив постель так, чтобы по возможности не беспокоить лежащую на кровати худую покалеченную фигурку.

Но с ванной все равно придется повременить до тех пор, пока не придет доктор, а потому она пошла в ванную, налила там горячей воды в таз и принесла таз обратно в спальню. Снаружи послышался стук, и она решила, что Хенри пришло в голову снять доски с заколоченного окна детской спальни, прежде чем ехать за доктором Карни, и вот теперь он приставил к стене лестницу и выдирает гвозди. Ему, конечно, виднее, на что сейчас лучше тратить время. Она разозлилась, и злость сама была – как облегчение.

– Может, тебе яичко сварить, когда искупаешься? Всмятку, в стаканчике, а, Люси?

Люси снова покачала головой. Судя по тому, как выглядело ее колено, без перелома там не обошлось: распухшее, иссиня-черное, размером с мяч. И нога ниже колена, похоже, совсем вышла из строя и висела, как неживая.

– Давай-ка я тебе температуру смерю, – сказала Бриджит.

Градусник где-то в доме был, вот только она никак не могла сообразить, где именно, если его вообще не увезли с собой. Придется и с этим дожидаться доктора Карни.

– Когда он придет, ты у нас будешь чистенькая и хорошенькая.

Девочка была грязнее некуда – руки, ноги, волосы как пакля, лицо и руки все в царапинах. Ребра были туго обтянуты кожей, живот совсем запал. Ей всегда нравилось, если сварить яйцо всмятку, размешать его в чашке и крошить туда тост.

– Ну, может, после доктора аппетит к тебе вернется.

Вода в тазу сразу стала черной. Бриджит вылила ее в ванну и набрала таз снова. О чем он таком говорил, какие бутерброды с сахаром? Тот дом давно уже обвалился. Интересно, а раньше она тоже туда ходила? Это что ей, игра такая на ум пришла, остаться там жить навсегда просто потому, что ей не хотелось отсюда уезжать? И только из-за такой вот малости все мучения, вся эта жуть, страшней которой за всю жизнь, наверное, не придумаешь? Надо было сказать ему, чтобы отправил телеграмму на тот адрес, что они оставили. Но тогда ему пришлось бы заезжать в сторожку за бумагой, и он бы застрял там еще бог знает насколько, и оставалось только надеяться, что ему самому такая мысль в голову не придет.

– Мама с папой уехали, – сказала Бриджит. – Но теперь-то они точно скоро приедут назад.

Она положила одну бутылку на середину кровати, чтобы согреть холодные простыни, а другую – в ноги. Она откинула оконную щеколду и слегка приспустила верхнюю раму. Часть досок Хенри отодрал, но несколько штук осталось.

– Вот уже и доктор скоро придет, – сказала она, потому что не знала, что еще сказать.

* * *

– Так все и было, чего тебе еще. – Внизу в прихожей Хенри мотнул головой в сторону спальни, с окошка которой он снял доски. – Что она тебе еще может рассказать?

– Что значит, чего тебе еще? Она же, считай, с того света пешком пришла!

Она бы пешком и шага не сделала, сказал Хенри. Она и так прошла больше, чем можно себе представить, пока добралась до того места, где он ее нашел. А если бы он не озаботился

тем, чтобы починить то место в стене, через которое опять начали перебираться овцы, он бы и вовсе ее не нашел.

– А что ты там такое говорил насчет бутербродов с сахаром?

Там был кусок газеты, и в нем остались крошки хлеба и сахара. Еще она рвала там яблоки, они неспелые, но она все равно их ела, потому что на земле валялись огрызки. Она, в общем, все правильно делала.

– Слушай, Хенри, а у нее с головкой не того?

– Не хуже, чем у нас с тобой.

– Она соображала, что делает, когда убегала из дома?

– Конечно, соображала.

– Надо бы сообщить мистеру Салливану. И в Англию тоже сообщить.

– Я тоже об этом подумал.

Доктор диагностировал перелом кости, который надо бы изучить повнимательней, повреждение суставной сумки, внутреннее кровоизлияние, нервное истощение, жар и хроническое недоедание. Он посоветовал дать ей бульона или горячего молока и кусочек тоста, только очень тонкий и не больше одного. Хенри пошел с ним обратно в Килоран, чтобы дать телеграмму всюду, куда следует. На кухне Бриджит поджарила на плите одинокий кусочек хлеба.

Сегодня ночью придется ночевать в доме. Хенри пришел к этому умозаключению на обратном пути в Лахардан; Бриджит та же мысль пришла в голову, когда она несла вверх по лестнице поднос с едой. Девочку, да еще в таком состоянии, никак нельзя было оставлять одну, и плевать на поджигателей. Пока все не уладится, пока не вернутся капитан и миссис Голт, они будут жить в доме.

– И что ты написал в телеграмме? – спросила Бриджит у Хенри, когда он вернулся.

В Англию ушел следующий текст: *Люси нашлась живая в лесу.*

4

Они остановились в Базеле, прикинув, на какой образ жизни могут рассчитывать, если жить на одно только наследство Хелоиз. Поначалу в них вызывал беспокойство тот факт, что она могла переоценить свои финансовые возможности и что денег будет не хватать, но беспокойство оказалось излишним. Все имущество капитана состояло из оставшихся в Ирландии земли и дома, и эти активы останутся в неприкосновенности до тех пор, пока какие-либо непредвиденные обстоятельства не заставят распорядиться ими иначе. Работу в представительстве транспортной компании или что-нибудь другое в этом же духе за границей оказалось найти достаточно сложно; к счастью, в этом не было никакой необходимости.

Именно в процессе обсуждения всех этих материй капитан понял, что будущее они видят по-разному, что, как бы прочно ни объединяло их пережитое несчастье, в действительности они куда менее единомышленны, чем то ему казалось, когда он говорил жене: мы с тобой заодно. За тот недолгий срок, который прошел с момента отъезда, он уже понял, что ошибался, когда представлял себе, что ему больше никогда не захочется вернуться в брошенный дом. Но, кроме всего этого, он чувствовал, что уверенность Хелоиз в правоте сделанного шага крепнет с каждой оставленной за спиной милей. Изгнанничество было ее единственной мечтой, единственной надеждой и отрадой. Ему совсем не хотелось придумывать способы убедить ее в обратном; ей нужен был его уход, его внимание. Она по-прежнему оставалась не более чем тенью той женщины, которой когда-то была.

Они устроили кое-какие свои дела в Базеле и снова отправились в путь. Они поехали к югу, в Лугано, и на несколько дней задержались на берегах тамошнего тихого озера. Безоблачным осенним днем они пересекли итальянскую границу и засим, по-прежнему не спеша, двинулись дальше.

5

– В развалинах? – переспросил Алоизиус Салливан. – *В развалинах?*

Бриджит объяснила, что к чему. Она упомянула о еде, которую девочка унесла из дома в двух рыбных корзинах, и о зеленых яблоках. Мистер Салливан на секунду закрыл глаза.

– При том, что творилось в доме, ей, понятно, и захотелось сделать что-нибудь назло всем. Вот она и придумала сбежать из дому, мол, может, хоть тогда на нее кто-нибудь обратит внимание. – И Бриджит изложила все, до чего успела дойти своим умом: насчет веток с колючками, на которые в чаще, в темноте, и не захочешь, а наткнешься, да еще если тащишь на себе взрослое пальто, чтобы не замерзнуть ночью, и насчет валежника, об который только ноги ломать. – Она себе все лицо расцарапала, кровь так и текла. Она почувствовала вкус крови, вот и напугалась. Бедная малышка, она так и ползла, и волокла на себе все, что взяла с собой, пока случайно не наткнулась на хибару Падди Линдона, чтобы хоть было где от дождя укрыться. Утром снова хотела было двинуться к дому, но у нее к этому времени так нога распухла, что она бы и нескольких шагов, наверное, не прошла. Она пыталась утром выйти, собирать ягод, поняла про ногу и напугалась. А потом ей совсем страшно стало, когда еда подошла к концу. Вот она там лежала и думала, что кто-нибудь за ней придет. А потом, когда никто не пришел, она решила, что умрет.

Для Алоизиуса Салливана это прозвучало не слишком убедительно.

– А та одежда, которую нашли на пляже? Девочка что, оставила ее там специально, чтобы сбить родителей со следа? То есть нам придется признать, что это была хитрость, расчетливый обман?

– Да нет же, мистер Салливан, нет.

– А что тогда? Шутка, детская шалость?

Ни к настоящему моменту, ни потом Бриджит так, ничего и не узнала о той роли, которую сыграл во всей этой истории О'Рейлев пес, а потому она предположила, что найденные на пляже вещи были оставлены там по ошибке.

– Все дело в том, сэр, что мы не про то думали и никому из нас даже в голову не пришло, что она может просто сбежать. Ни мне, ни Хенри, ни хозяину, ни хозяйке, сэр.

– Не представляю себе, как такое вообще кому-то могло прийти в голову, – сухо ответил стряпчий.

Они были в гостиной, мебель по-прежнему была затянута чехлами. Горели две лампы. Окна по большей части были все так же заколочены досками.

– У нас просто было такое чувство, сэр... что все случилось так, как нам тогда показалось, и все эти вещи, которые тогда нашли...

– Я понимаю, Бриджит, я все понимаю.

– Как мы могли подумать, сэр, что она может отправиться в Дунгарван на ночь глядя и что она пойдет через лес к дороге, а до дороги-то не одна миля? Это же просто уму непостижимо, сэр, да она сейчас и сама не понимает, какой был смысл так делать.

– Я, Бриджит, слава богу, с причудами ума таких вот юных созданий совсем не знаком – или что там у них вместо ума. Однако, смею вас уверить, что по роду деятельности мне часто доводилось сталкиваться с не меньшими причудами людей вполне взрослых. А где сейчас девочка?

– Во дворе. С Хенри.

– И как она?

– Все такая же тихая, сэр. – Бриджит сняла простыню с одного из кресел. – Присаживайтесь, сэр.

Алоизиус Салливан был человек большой, а потому с радостью принял ее предложение. Он приехал в Лахардан на машине, но икры ног у него уже болели. И было у него такое чувство, что причину этой боли следует искать в свалившемся на него волею обстоятельств грузе ответственности, неожиданной и нежеланной. С тех самых пор как он получил из Франции от Эверарда Голта последнюю, в несколько строк, записку, он стал замечать за собственным телом какие-то странные нервические реакции, которые проявлялись то в высыпавшей ни с того ни с сего сыпи под воротничком, то, вот как сейчас, во внезапной боли в икрах. Когда, неделю тому назад, до него дошли сведения о том, что все строившиеся до сих пор догадки о судьбе ребенка оказались ложными, он почувствовал приближение старого невралгического синдрома, затихшего было много лет назад.

– Моя матушка любила повторять, Бриджит: поскреби ребенка – и обнаружишь беса.

– Да нет же, сэр, нет. Она сама не своя оттого, что так все обернулось. Как и мы все. С тех пор как приходили эти люди, чтобы всех нас убить в наших собственных постелях, в доме уже никогда не было ладно. Если где и следует искать виноватых, сэр, так именно в тех краях.

Стряпчий вздохнул. Он все понимает, сказал он, но все равно у него не идет из головы то, что ему рассказывал сам Эверард Голт: как они с женой из раза в раз ходили на пляж, как днем и ночью испытывали адские мучения, да и теперь, судя по всему, они просто бегут отсюда подальше куда глаза глядят. А их сбежавшая дочурка кушала все это время бутерброды с сахаром.

– Да вы садитесь сами, Бриджит, – сказал он.

Но Бриджит садиться не стала. Она никогда не садилась в этой комнате и, даже если принять во внимание все, что случилось, не могла этого сделать и сейчас. У нее просто внутри все перевернулось, сказала она, когда Хенри вошел в дом с девочкой на руках. Жуткое, конечно, дело, и ребенок, конечно, жуть что натворил – она этого и не отрицает. Но такого несчастного существа она еще в жизни не видела, как в тот вечер, когда Хенри ее принес, – как говорится, краше в гроб кладут.

– Может, нам послать еще одну телеграмму, сэр, на случай, если та затеряется?

– Она не затерялась, Бриджит.

Бриджит слышала о письме, которое пришло из Франции. Не ее ума дело – хмурить брови, но все-таки она не сдержалась; и мистер Салливан тоже сделал паузу, как будто почувствовал, что ей нужно немного собраться с мыслями. А когда заговорил снова, то объяснил, что в полученном им почтовом отправлении речь шла о мебели и прочем движимом имуществе, которое осталось в Лахардане. Ему казалось, что со дня на день придут грузовики и все вывезут. Но в письме было ясно сказано, что все должно оставаться на своих местах.

– Вашу телеграмму получили, Бриджит, по тому адресу, на который она была отправлена. Там же получили и телеграмму от капитана Голта с уведомлением об отказе от аренды. Рано или поздно мы, конечно же, получим сведения о том, где остановились мистер и миссис Голт. К сожалению, на данный момент мы такими сведениями не располагаем.

Напомаженная голова мистера Салливана медленно качалась из стороны в сторону, подчеркивая крайнее неудобство сложившейся ситуации; его серо-голубые глаза глядели сурово. Затем он вздохнул, медленно набрал полную грудь воздуха, подержал его немного и разом выдохнул.

– Вам они, конечно же, ничего перед отъездом не сказали насчет того, что могут передумать ехать в Англию? Насчет того, что они намереваются делать дальше?

На лице у Бриджит отразилась тревога, чувство еще менее подконтрольное, чем проскользнувшее минуту тому назад недоверие. Может, что-то такое и впрямь упоминалось? Может, при всей тогдашней суматохе она просто недостаточно внимательно слушала, что ей говорят? Она подумала еще немного, а потом покачала головой.

– Ничего, кроме адреса, они не оставили, сэр.

Пухлые руки мистера Салливана почти невесомо лежали на коленях, обтянутых синей, в тонкую полоску тканью.

– Может, в доме есть какие-нибудь бумаги, в которых имело бы смысл покопаться, а, Бриджит? На тот случай, если там вдруг обнаружится хоть какая-то зацепка?

Бриджит сняла с мебели еще несколько чехлов. Но ни в ящиках письменного стола, ни в гостиничном серванте не нашлось ничего, что относилось бы к вставшей перед ними неразрешимой задаче. Они поднялись наверх с лампами, но даже и в ящиках туалетного столика тоже ничего не нашли.

– Ничего здесь нет, одни квитанции, – доложила Бриджит, перерыв все полки в угловом буфете на лестничной площадке первого этажа; мистер Салливан держал лампу.

Потом среди писем обнаружилась одна-единственная почтовая карточка от капитанова брата, с обратным адресом расквартированной в Индии воинской части, трехлетней давности. Кроме того, обнаружилось несколько более свежих писем от уилтширской тетушки Хелоиз Голт, сплошь состоящих из старческого брюзжания и жалоб на то, что тетушка потому и не пишет, что племянница о ней совсем забыла.

– Те распоряжения, которые капитан оставил в отношении дома и ваших обстоятельств, никоим образом не нарушены, – сказал мистер Салливан. – Все происшедшее никак их не затрагивает.

Суммы, необходимые на поддержание дома в должном порядке, предусмотрены, как и деньги на непредвиденные расходы. Голты всегда были людьми методичными, пусть даже их отъезд прошел совсем не так и не при тех обстоятельствах, при которых планировался. Он, собственно, надеялся только на дом, признался стряпчий, надеялся найти в нем хоть какую-нибудь зацепку, которая могла бы намекнуть на то, почему и каким образом у них переменялись планы.

– Я тут пытался навести кое-какие справки, – сказал он, когда они вернулись в гостиную. – Опросил всех, кто только пришел мне в голову. Думал, может, хоть какая-то информация дошла до кузенов из Маунт-Беллоу, но они, судя по всему, тоже недавно уехали из Ирландии. Вы не знаете, они часто общались между собой?

Бриджит не знала. Как-то раз заезжали, вспомнила она, но с тех пор, как они перебрались в Англию, ни слова о них больше сказано не было. Еще раз перерыли все ящики внизу, но писем от них больше не нашли; кузенов из Маунт-Беллоу удалось обнаружить только в фотоальбоме, где они мирно сидели на травке во время устроенного десять лет назад пикника.

– Если я не ошибаюсь, один из этих мальчиков поступил в Пасхендейл, – вспомнил стряпчий. – В тот самый полк, где служил капитан.

– Даже и не слышала об этом.

– Что-то вы совсем разволновались, Бриджит. Это я во всем виноват со своими расспросами. Не беспокойтесь, рано или поздно мы с ними свяжемся. У нас есть этот полк в Индии, на случай, если капитан поддерживает связи с братом, и, если даже полк передислоцировали, любую поступившую от меня ноту все равно перешлют по новому адресу. Для военных такого рода вещи – дело чести.

– Да я все о ребенке, сэр.

– Доктор Карни перешлет мне свое заключение, Бриджит. Мы с ним об этом уже говорили. – Мистер Салливан немного помолчал. – Не будет слишком большой вольностью с моей стороны, если я попрошу вас еще на какое-то время оставить все так, как оно есть сейчас? Не думаю, чтобы это затянулось надолго, а, Бриджит?

– Оставить все, как сейчас, сэр?

– Не слишком надолго.

– То есть чтобы мы с Хенри остались жить в верхних комнатах? Вы это имеете в виду, сэр?

– Я имею в виду, что при сложившихся обстоятельствах и поскольку девочка все равно уже оказалась здесь, а не где-то еще, было бы разумно дать ей возможность жить в ее родном доме. С вашего позволения, Бриджит, я беру на себя смелость утверждать, что это было бы куда лучше, чем перевозить ее в сторожку.

Не оговаривая особо, сколько продлится это самое ненадолго, мистер Салливан высказал предположение, что сам по себе переезд, а потом еще и постоянный вид запертого дома с заколоченными окнами будет куда сильнее травмировать ребенка, из-за которого все это, собственно, и случилось, чем возможность остаться в знакомых стенах. Он совершенно уверен в том, что человек, который приходил в тот раз к дому ночью, давно уже и думать забыл о своих преступных намерениях. Он упомянул об этом обстоятельстве исключительно на тот случай, если он, сам того не желая, вызвал своим предложением некие особые опасения.

– Да, конечно, теперь-то уж они оставят нас в покое, сэр, и Хенри так говорит, ведь хозяйина с хозяйкой они таки заставили уехать. Им только этого и надо было, он говорит.

Мистер Салливан согласился, но развивать эту тему не стал. Должно быть, Хенри что-нибудь этакое слышал, решил он; а если даже и не слышал, то его интуиции вполне можно доверять. Раненый остается раненым, но события с той ночи успели приобрести такой оборот, что все происшедшее в Лахардане вполне могло удовлетворить разыгравшееся у противоположной стороны чувство мести.

– Сторожка у нас сейчас вообще заперта, сэр. Мы так все и оставим, пока они не вернутся.

– А как посмотрит на такую возможность наш маленький друг?

– О каком таком друге вы говорите, мистер Салливан?

– Я имею в виду ребенка. Как она воспримет возвращение отца с матерью? Хоть на этот раз она сможет тихо и спокойно уехать вместе с ними?

– А может, они на сей раз передумают и останутся, раз уж все равно приедут домой? Она ведь и так вся уже извелась из-за этого, может, передумают, а, сэр?

– Я тоже был бы этому очень рад, Бриджит.

– А вы там не слышали, война-то к концу идет или как?

– И на это тоже есть некоторая надежда. Н-да, уж надеяться нам никто не запретит. –

Мистер Салливан встал. – Я бы хотел взглянуть на ребенка.

– Вы сами увидите, сэр, она стала такая послушная.

Мистер Салливан вздохнул и оставил при себе замечание относительно того, что в нынешней ситуации послушание никак нельзя назвать качеством излишним.

– Вы еще, может быть, не знаете, сэр. Пока она там лежала, кость у нее срослась, но срослась неправильно, и она теперь так и будет хромать.

– Я знаю, Бриджит. Доктор Карни специально приезжал ко мне, чтоб поделиться этой новостью.

С этими словами он встал и пошел через сумеречную гостиную к выходу во двор. Ребенок, о котором шла речь, сидел на приступке перед входом в небольшую пристройку, которая уже давно как-то сама собой перешла в собственность Хенри. На другой стороне двора, под раскинувшим ветви по стене грушевым деревом, растянулись на солнышке две молодые овчарки. Когда на пороге появился стряпчий, они подняли головы и на загравках у них встала шерсть. Одна заворчала, но ни та, ни другая не двинулись с места.

Сквозь открытую дверь в мастерскую Хенри мистер Салливан увидел верстак с тисками под развешанным на стене плотницким и слесарным инструментом – молотками, стамесками, рубанками, киянкой, криволинейным стругом, ножницами по металлу, ватерпасом, гаечными ключами. Два ящика из-под чая были доверху набиты обрезками дерева различной длины и ширины. На крючьях висели пилы, мотки проволоки и почти израсходованный моток бечевы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.